

ПАДЕНИЕ ЦАРСКОГО РЕЖИМА

ПО МАТЕРИАЛАМ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
КОМИССИИ ВРЕ-
МЕННОГО ПРАВИ-
ТЕЛЬСТВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1925

ПАДЕНИЕ ЦАРСКОГО РЕЖИМА

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ
допросов и показаний, данных в 1917 г.
в Чрезвычайной Следственной Комиссии
Временного Правительства

РЕДАКЦИЯ

П. Е. ЩЕГОЛЕВА

Т. II.

ДОПРОСЫ:

А. Д. Протопопова, кн. М. М. Андроникова, А. Т. Васильева, И. Ф. Манасевича-Мануйлова, А. А. Макарова, К. Д. Кафафова, М. А. Беляева, кн. Н. Д. Голицына, Н. А. Добровольского, И. Г. Щегловитова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД—МОСКВА
1925

XXI.

ДОПРОС ГЕН. М. А. БЕЛЯЕВА.

17 апреля 1917 г.

Содержание: Обстоятельства назначения Беляева военным министром и на предшествовавшие служебные должности. Международная конференция представителей Италии, Франции, России и Англии. Представление Беляева бывш. государю и бывш. императрице. Сношения с Андрониковым. Встреча с Протопоповым. Вопрос о предполагавшемся выделении Петроградского округа в особую административную единицу. Участие генерала Каменского в выяснении этого вопроса. О переходе Кронштадта из ведения сухопутного ведомства в морское. Подчинение Петрограда и части Петербургского округа военному министру. Встреча Беляева с Распутиным. Записочки Распутина. Знакомство Беляева с Вырубовой. Вызов Беляева в Царское Село для беседы с Вырубовой и императрицей о Распутине и просьба предотвратить предполагавшееся на Распутина покушение. Поручение генералу Лесенцеву расследовать покушение на Распутина. Симанович и Ржевский. Удовлетворение ходатайства о переводе Дмитрия Распутина в Петербург для зачисления в кадр санитаров приказанием о «немедленном его командировании в распоряжение Царскосельского войскового начальника». Распутин — «благочестивый старец». Порядок, применяемый при переводе лиц из строевых частей в нестроевые. Официальное письмо Беляева Вырубовой в ответ на ее ходатайство.

Принципы и мероприятия в отношении немецких пленных. Забота об улучшении положения русских военнопленных. О немецких зверствах. Приезд германских и австрийских сестер милосердия. Вопрос о разрешении немецким военнопленным свободно, на честное слово, ходить по городу. Вопрос о возможности шпионажа со стороны германских сестер.

Льготы немецким военнопленным ради улучшения тяжелого положения русских пленных. О командировании постоянных сестер милосердия во вражескую страну. Доклад сестры милосердия Симсоновой в Красном Кресте о тяжелых условиях работы сестер в Германии. О немецких сестрах и сопровождавших их датчанах. Распоряжение Беляева о недопустимости досмотра немецких сестер на границе. Проект запроса относительно пленных германских офицеров. Принцип взаимности. Вмешательство б. императрицы Александры Федоровны и Марии Федоровны в дела военного ведомства. Опровержение газетной заметки под титулом официального сообщения, три его варианта. Опасность шпионажа. Три категории военнопленных. Меры для облегчения положения военнопленных. Комитет под председательством Голицына.

О привлечении на работы германских военнопленных унтер-офицеров. Постановление Стокгольмской комиссии. Откомандирование 40.000 пленных для сельскохозяйственных работ в Бессарабскую и Херсонскую губ.

и отказ министру торговли и промышленности дать воинские команды в 1.000 или 555 человек. Нужда в рабочих руках и необходимость укомплектования действующей армии. Утвержденный б. государем доклад об изыскании контингента старшего возраста, непригодного для укомплектования строевых частей для отправления на сельско-хозяйственные работы.

Цель приезда Распутина к Беляеву. Просьба Беляева к Чрезвычайной Комиссии об изменении для него меры пресечения.

Председатель. — Генерал, вы допрашиваетесь Чрезвычайной Следственной Комиссией. Она имеет права первого департамента государственного совета об истребовании объяснений от должностных лиц. Современем, когда вас допросят, дело перейдет к судебному следователю, если вы будете привлечены в качестве обвиняемого. Тогда вы будете иметь право не отвечать на вопросы, вас изобличающие; теперь отвечать нам — ваша обязанность. Благоволите сказать: вы были военным министром с какого по какое число?

Беляев. — Указ был подписан 3 января. Я был военным министром до 28 февраля. 1 марта я был задержан. Фактически же я вступил лишь 5 января.

Председатель. — До 3 января вы были помощником военного министра или членом военного совета?

Беляев. — Я был назначен исправляющим должность начальника генерального штаба 1 августа 1914 г. Засим, оставаясь в качестве исполняющего должность начальника генерального штаба, при вступлении в должность военного министра генерала Поливанова, что было в июне 1915 г., я был назначен помощником военного министра и исполняющим должность начальника генерального штаба. Значит, первый этап исполнявшихся мною должностей — должность начальника генерального штаба, второй — помощник военного министра, исполняющий должность начальника генерального штаба. Кажется, указ последовал 22 — 25 июня 1915 г. Затем, когда был назначен военным министром генерал Шуваев, — это было 17 марта 1915 г., — я был освобожден от должности помощника военного министра и 2 апреля 1916 г. назначен начальником генерального штаба. Засим, 10 августа или 12-го, я был назначен членом военного совета с увольнением от должности начальника генерального штаба. В сентябре — приблизительно 18-го — 19-го — я был командирован в качестве представителя в румынскую главную квартиру. Сначала я был вызван на заседание в Ставку, затем я уехал в Румынию и оттуда был вызван в Петроград телеграммой. 3 января я был назначен военным министром.

Апушкин. — Вы не можете рассказать, генерал, об обстоятельствах, при которых вообще происходили эти назначения: какие по этому поводу велись переговоры и чрез кого вы получали уведомления о предстоящих назначениях?

Беляев. — Мое назначение в августе исполняющим должность начальника генерального штаба последовало на время отсутствия начальника генерального штаба, уехавшего на театр военных действий. На мою долю выпала деятельность, главным образом, организационная, потому что, в сущности, между предположениями, которые существовали в генеральном штабе до войны, и теми, что выяснились во время войны, конечно, была большая разница: в целый ряд предположений мирного времени пришлось вводить ряд поправок. Когда вступил военный министр Поливанов, он мне предложил должность помощника военного министра. Как мне известно из его переписки, этот вопрос был решен, когда он был в Ставке. Но бывший начальник штаба верховного главнокомандующего, генерал Янушкевич, просил генерала Поливанова, чтобы, привлекая меня помощником военного министра, он сохранил за мною и должность начальника генерального штаба верховного главнокомандующего.

Алушкин. — Предложение это вы получили непосредственно от генерала Поливанова?

Беляев. — Непосредственно от генерала Поливанова через несколько дней после выезда его в Ставку. Засим был назначен военным министром генерал Шуваев. Это было в марте 1915 г. Генерал Шуваев мне заявил, что будет просить меня оставить должность помощника военного министра, но сохранить за собой должность начальника генерального штаба. 2 апреля я был назначен начальником генерального штаба и освобожден от должности помощника военного министра. В феврале 1916 г. был возбужден вопрос о том, чтобы я был командирован на первую конференцию, которая назначена была в Париже на июнь. Но обстоятельства потребовали моего пребывания в Петрограде, и я не был командирован, а в мае или в апреле приезжали сюда французские министры — Альбер Тома и Вивиани. Все переговоры велись с ними мною потому, что ни генерал Шуваев, ни его помощник Фролов, ни прочие начальники главных управлений не знали иностранных языков. Поэтому и так как начальник генерального штаба объединяет целый ряд вопросов, связанных с вопросом о снабжении, все эти переговоры лежали на мне. И в той французской конференции, которая происходила в Ставке, кажется, 23 апреля, я принимал непосредственное участие. После этой конференции предполагалась английская. Сюда должен был прибыть в мае английский военный министр лорд Китченер. Он уже выехал, и, как вам известно, погиб в пути. В июне в Англии должны были вестись переговоры о финансовом соглашении. Когда я был начальником генерального штаба, я был командирован в начале июля за границу, в Париж, для переговоров по вопросу о снабжении, а потом в Англию, где было заключено новое финансовое соглашение.

Председатель. — Почему вы были назначены членом военного совета?

Беляев. — Генерал Шуваев неоднократно говорил, что он со мной вообще не особенно хотел служить.

Председатель. — Позвольте считать, что вы назначены были членом военного совета потому, что генерал Шуваев не нашел возможным с вами служить, как с начальником генерального штаба. Когда вы были в Румынии, с кем вы поддерживали письменные сношения: с Петроградом, с Царским, с Могилевом?

Беляев. — Никаких сношений с Петроградом у меня не было решительно, исключительно служебные.

Апушкин. — Назначение ваше в Румынию исходило от Ставки, от его величества?

Беляев. — Дело происходило так, как я объяснял первоначально: генерал Шуваев был незнаком с иностранными языками.

Апушкин. — Назначение в Румынию вы ставите в связь с успешным выполнением вашей командировки в Англию?

Беляев. — Да, ставлю. По крайней мере, мне говорил румынский посланник, что меня предполагалось командировать во Францию. Он передавал мне, что ему сказал государь о предположении меня командировать во Францию, но так как интересы России в данный момент были тесно связаны с Румынией, выбор уполномоченного остановлен был на мне.

Апушкин. — Будьте добры сказать кратко о вашей роли, как представителя.

Беляев. — Я получил указания по этому поводу от генерала Алексеева. Выступление Румынии являлось расширением нашего фронта. Левый фланг наш опирался на границу Румынии. До 15 августа, до начала войны, мы были обеспечены нейтральной полосой, тогда как с выступлением румынской армии эта нейтральность уже утрачивалась, и, поэтому, всякая неудача румынской армии непосредственно отражалась на интересах нашего левого фланга. Как известно, состоялось вооружение Румынии, начавшееся успешно, но засим, в начале сентября, последовало очищение всех занятых в Трансильвании областей и отступление внутрь Румынии; возникло естественное опасение, что дальнейшее наступление неприятеля будет уже грозить нашему левому флангу.

Апушкин. — Я хотел знать о вашей роли в качестве представителя.

Беляев. — Я был командирован для того, чтобы согласовать деятельность нашей армии, нашего юго-западного фронта, с румынской армией, и для того, чтобы держать генерала Алексеева в курсе того положения, которое создается на театре военных действий. Затем, после занятия Бухареста, положение резко изменилось. Кроме того, изменилась и точка зрения на наши взаимоотношения с Румынией, после того, как генерал Алексеев был заменен генера-

лом Гурко. Был установлен так называемый румынский фронт, во главе которого стоял генерал Сахаров. С тех пор роль русского представителя резко изменилась, она, в сущности, уже теряла значение. В это время — 17 — 18 декабря — был назначен верховным главнокомандующим съезд главнокомандующих всех фронтов. От румынского фронта нельзя было оторвать генерала Сахарова, и был назначен я. 11 декабря я выбыл в Ставку. Я уже раньше просил дать мне командование корпусом или дивизией — что будет признано возможным. 17 и 18 декабря в Ставке верховного главнокомандующего происходило совещание. Было принято решение относительно румынского фронта. Я был командирован в Румынию, чтобы доложить королю и сообщить генералу Сахарову о принятом решении. Тогда же я воспользовался моим пребыванием в Ставке и решил спросить о моем дальнейшем положении. Было решено, что я получу одну из дивизий, как только генерал Сахаров признает, что мое дальнейшее пребывание в Румынии излишне. Генерал же Сахаров перед тем просил, чтобы меня назначили командующим 47 корпусом. Государь сказал, что первая дивизия, которая откроется, будет моя. Я просил разрешения поехать на два дня в Петроград для переобмундирования; 20 декабря я выехал из Ставки, 21-го приехал в Петроград и 23 декабря выехал обратно в Румынию для того уже, чтобы командовать. Подъезжая к Румынии, близ станции Раздельная, я получил телеграмму от генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего, что по высочайшему повелению я должен был выехать в Петроград и там ждать указаний дворцового коменданта. Эта телеграмма мне ничего не говорила: когда я представлялся государю, когда я говорил, что прошу дать мне строевое назначение, просил дать мне корпус, государь сказал: «Обещаю, что вы очень скоро получите корпус, но, может быть, некоторое время прокомандует дивизией». По приезде в Петроград, я переговорил по телефону с генералом Боейковым, и мне было назначено приехать в Царское Село 31 декабря. 31 декабря государь сказал мне, что у нас в январе собирается международная конференция представителей Италии, Франции, России и Англии. Она будет разделена на несколько секций. Государь признал необходимым, чтобы ко времени созыва этой конференции военным министром был я. Ему известно было мое участие в предшествующих конференциях, и, я помню, он сказал такую фразу: «Нынешний военный министр не говорит по-французски, а вы вели за границей целый ряд переговоров». Вот единственный разговор в связи с моим назначением. Я спросил, что мне делать; государь говорит — «ехать в Румынию».

Председатель. — Скажите, вы были у государя и у Вырубовой?

Беляев. — Нет, у Вырубовой я никогда в жизни не был. Доклады военного министра государю были по вторникам и субботам. Во вторник был очередной доклад министра. 3-го был подпи-

сан указ, 4-го мне его принесли, 5-го я был назначен, и, следовательно, мой первый доклад был в субботу 7 января. В субботу я представлялся государю, и, по окончании доклада, государь сказал: «представьте императрице»; это единственный раз, когда я представлялся государыне.

Председатель. — Т.-е. после вашего назначения? Но до вашего назначения вы представлялись государыне?

Беляев. — Это было значительно раньше.

Председатель. — К этому мы потом перейдем.

Апушкин. — Вы знакомы были с князем Андрониковым?

Беляев. — Да.

Апушкин. — Вы получили от него приветственную телеграмму?

Беляев. — Нет.

Апушкин. — Вообще вы никакого приветствия от него не получили?

Беляев. — Андроников неоднократно надоедал, звонил по телефону, но я избегал иметь с ним какие-нибудь сношения: он всегда обращался с какими-нибудь просьбами. Он звонил мне по телефону, поздравлял, но не помню, чтобы я получал телеграмму.

Апушкин. — Раз вы с ним не были знакомы и избегали его, чем объясняется, что он вас так хвалил в обществе, в известных сферах, и рекомендовал вас?

Беляев. — Я затрудняюсь сказать. Я говорю, что лично у меня было к нему неприязненное чувство. Дело в том, что в 1909 г. я довольно продолжительное время исполнял должность начальника главного штаба. Это было в период, когда он был довольно близок к бывшему военному министру, генералу Сухомлинову. Он постоянно обращался ко мне с целым рядом просьб и даже говорил, что делает это по указанию военного министра... это было, кажется, в 1909 г. Просьбы эти были мне в высшей степени неприятны, они касались отдельных лиц; исполнять их было нельзя. Я внимательно выслушивал его и в деликатной форме отклонял его просьбы.

Апушкин. — Когда вы были в Лондоне на конференции, которая должна была заключить заем, вы встречались с Протопоповым, впоследствии министром внутренних дел?

Беляев. — В Лондоне я его видел только один раз. Я был с визитом у посла и, помню, в передней мы встретились и поздоровались.

Председатель. — Когда вы встретились с Протопоповым?

Беляев. — Это было в 1916 г. Я выехал 9 июня из Петрограда, мне нужно было проехать через Лондон в Париж. Я поехал в Лондон, пробыл там 4 дня и поехал в Париж. Вернулся — кажется, 30 июня — в Лондон, где пробыл довольно долго.

Председатель. — Тут вы и встретились с Протопоповым?

Беляев. — Это была не встреча. Я отлично помню, что в то время, когда министр финансов Барк был в кабинете у посла, меня просили пройти к жене посла, и тут я увидел Протопопова.

Апушкин. — Так что миссии бывшего министра финансов Барка и ваша, как представителя военного министерства, не имели чего-либо общего с нашей парламентской делегацией?

Беляев. — Абсолютно ничего. Парламентских делегатов еще не было.

Апушкин. — Однако, вы встретились с одним из них. Вы никакого отношения к ним не имели?

Беляев. — Никакого.

Апушкин. — От бывшей императрицы Александры Федоровны вы не получали никаких выражений ее признательности за вашу службу?

Беляев. — Когда я был отчислен от должности начальника генерального штаба, то я получил письмо от управляющего ее делами графа Ростовцева о том, что императрица мне пожаловала свой портрет.

Председатель. — Чем объясняется такое внимание?

Беляев. — Это объясняется вот чем. Императрица и кн. Голицын стояли во главе комитета по поводу содействия нашим пленным, находящимся в Германии и Австрии. Вообще вопрос о военнопленных находился в ведении генерального штаба, и, поэтому, весьма часто кн. Голицын обращался ко мне. Мне было сказано, кажется, и в письме, и впоследствии, когда я поехал к Ростовцеву благодарить, что это «за внимание к вопросам о пленных».

Апушкин. — Будьте добры сказать по вопросу о предполагаемом выделении Петроградского округа в особую административную единицу с подчинением его военному министру.

Беляев. — На одном из первых докладов я получил приказание провести вопрос о выделении города Петрограда. Государь император по этому поводу высказал, что главнокомандующий северным фронтом находится на театре военных действий и что его интересы обращены на линию Двинск — Рига, а не Петроград. Петроград входил в северный фронт, и, следовательно, он был подчинен генералу Рузскому, который находился во Пскове, и все его интересы были сосредоточены в сущности на линию Двинск — Рига, а не на тыл, не на Петроград. Поэтому нужно выделить его в самостоятельную административную единицу. Я сказал, что я обсужу этот вопрос.

Председатель. — Вы впервые поставили тогда перед собою этот вопрос или и раньше имели по этому поводу какое-нибудь мнение?

Беляев. — Мне, как военному министру, было указано государем, что этот вопрос нужно обсудить.

Апушкин. — А почему не главнокомандующему северным фронтом, которому Петроград был подчинен?

Беляев. — В это время государь находился в Царском Селе и, кроме того, в это время начиналась конференция, и у нас происходили предварительные обсуждения. Здесь находился начальник штаба верховного главнокомандующего, и, поэтому, государь приказал мне переговорить об этом с ним.

Апушкин. — Но государь был сам верховным главнокомандующим, а в Царском находился его начальник штаба.

Беляев. — Не в Царском, а в Петрограде.

Апушкин. — Почему же государь вам поручил переговоры с начальником штаба?

Беляев. — Затрудняюсь ответить, почему. Может быть, он одновременно приказал переговорить и генералу Гурко. Во всяком случае, я получил приказание от государя обсудить этот вопрос и представить по этому поводу соображения. Я отлично помню, что это было в воскресенье; я воспользовался пребыванием в Петрограде Гурко и с ним имел по этому поводу переговоры. Когда я был у генерала Гурко, тут же находился и начальник штаба главнокомандующего северным фронтом, генерал Данилов. Тут как раз и были намечены те основы, на каких этот перевод должен быть совершен. Было установлено, что произойдут необходимые письменные сношения; затем генерал Рузский представил свои соображения, на основании которых приходил к выводу, что это было неосуществимо. Задолго до моего назначения было установлено, что в Петрограде различные управления и заводы получают продовольствие из интендантских учреждений. В действительности же тыл должен довольствовать фронт. А выходило так, что фронт составлял известные расчеты, и все эти расчеты нарушались потому, что в это время в военном министерстве возникали соображения относительно довольствия рабочих Путиловского завода и других военных заводов. Армия не получала того, что ей нужно, потому что часть того, что предназначалось для армии, передавалась тыловым учреждениям, даже не входящим в ее состав. Нужно было прекратить такой порядок. Мне это докладывал главнокомандующий войсками, что он получил от военного министра приказание относительно снабжения кадетских корпусов и военных училищ. Между тем, генерал Рузский объявил обратное приказание, указав, что их не нужно довольствовать. Одним словом, создавалось в высшей степени затруднительное положение. Нужно было все согласовывать, приходило к известному согласительному решению. Генерал Рузский основывал свои расчеты на том, что представлял ему фронт, а другая власть вводила в эти соображения поправки, на основании тех требований, которые предъявлял тыл. Интересы тыла вызывали нарушение интересов фронта.

Апушкин. — Почему вы считали Петроград тылом, когда он считался в районе военных действий?

Беляев. — Тыл нужно разделять на несколько этапов. Например, Киев является тылом для юго-западного фронта. Петроград был тем, что для Двинского фронта . . .

Апушкин. — Но особое значение Петрограда учитывалось по сравнению с Двинском, Минском и Смоленском и учитывалось не в его пользу, очевидно?

Беляев. — До тех пор это особое положение не учитывалось. Он представлял то же самое, что и Минск, — тыловую базу. Чтобы выйти из этого положения и чтобы действительно поставить Петроград в условия, в которых бы, казалось, он должен быть как столица государства, и было решено выделить Петроград из района северного фронта и сделать его самостоятельной единицей.

Апушкин. — Вы его рассматриваете, как столицу или как тыловую базу?

Беляев. — Прежде всего, как столицу России.

Апушкин. — С тех пор, как он перестал иметь значение тыловой базы? С какого времени значение столицы превысило значение тыловой базы?

Беляев. — С тех пор, как постепенно стали проявляться различные затруднения в снабжении населения, по крайней мере той его части, которую признано необходимым довольствовать распоряжением правительства.

Апушкин. — Итак, было решено Петроград выделить? Самый Петроград или Петроградский округ?

Беляев. — Нет, Петроград и ту часть, которая была не нужна для действующей армии.

Апушкин. — Это ваши соображения или соображения, выяснившиеся при вашей беседе с генералом Гурко?

Беляев. — Конечно, соображения постепенно вырисовывались. Были и мои, выясненные при нашей беседе с генералом Гурко и Даниловым и вылившиеся в ту форму, которая и была установлена.

Апушкин. — Кто участвовал в выяснении этого вопроса, на кого вы возложили это?

Беляев. — На генерала Каменского. Он был начальник по устройству службы войск, который непосредственно решал эти вопросы.

Апушкин. — Этот вопрос вам был предложен бывшим государем в устной форме?

Беляев. — Нет, в письменной. Я получил записку от его величества.

Апушкин. — Вы не помните содержания этой записки?

Беляев. — Это была коротенькая записка.

Апушкин. — Она имела какой характер — предложение обсудить вопрос, или вопрос уже был предрешон?

Беляев. — Вопрос был, повидимому, предрешен, по крайней мере, я помню, что, когда я доложил государю о результате моих переговоров с генералом Гурко. то государь, я помню, мне сказал, что он очень рад, и настаивал на том, чтобы это было проведено. Тогда же был возбужден вопрос относительно перехода Кронштадта из ведения сухопутного ведомства в морское.

Председатель. — Кем был возбужден вопрос?

Беляев. — Государь лично говорил мне, что считает нужным передать Кронштадт в морское ведомство.

Председатель. — О том же он, очевидно, говорил и с морским министром Григоровичем?

Беляев. — Да, потому что этот вопрос, в дальнейшем, проходил по морскому ведомству.

Председатель. — Как вы отнеслись к этой мысли бывшего императора?

Беляев. — Я доложил, что этот вопрос затрагивает интересы штаба верховного главнокомандующего и, поэтому, его надлежит разрешить, пользуясь указаниями начальника штаба верховного главнокомандующего. Государь, повидимому, переговорил об этом с морским министром. Потом я знаю, что было заседание штаба верховного главнокомандующего по этому вопросу. По крайней мере, я потом уже узнал об этом, как о принятом решении.

Апушкин. — Петроград и часть военного округа должны были быть подчинены вам, как военному министру?

Беляев. — Он должен был быть подчинен главнокомандующему войсками Петроградского военного округа, но с той минуты, как он переходил с театра военных действий, он становился подчиненным военному министру.

Апушкин. — Но ведь вы знаете, что начальник главного военного округа является главным его начальником, а вам, как министру, принадлежало лишь право высшего надзора, но не распоряжения. А в данном случае Петроградский военный округ подлежал вашему распоряжению и подчинению. Могли вы давать приказания командующим?

Беляев. — Нет.

Апушкин. — Это предполагалось или не предполагалось?

Беляев. — Это было совершенно иначе. Главный начальник округа является командующим войсками, и ему в некоторых отношениях были предоставлены права главнокомандующего именно для того, чтобы, так сказать, он являлся той последней инстанцией, которая уже разрешает вопросы.

Апушкин. — Стало быть вопроса о непосредственном подчинении Петрограда и части Петроградского военного округа министру не возникало?

Беляев. — Нет.

Апушкин. — Скажите, вы встречались с Распутиным?

Беляев. — С Распутиным я не встречался.

Алушкин. — Вы его видели где-нибудь или нет?

Беляев. — Я его видел. Он выразил желание приехать ко мне. Это было в январе или феврале 1916 года, когда я был помощником военного министра. Я совершенно не знал, что это за Распутин и какая его роль.

Алушкин. — В январе 1916 года вы не знали о роли Распутина?

Беляев. — Совершенно не знал.

Председатель. — Чем объясняется, что вы не знали того, что знала вся Россия?

Беляев. — Я должен сказать, что я исключительно занимался всегда своим делом. У меня никаких интересов посторонних не было. Во время войны я исключительно занимался делом и личной жизнью не жил совсем. Я потом только узнал этого господина.

Председатель. — Когда вы узнали, что это за господин?

Беляев. — Откровенно говоря, узнал только тогда, когда стал читать о нем в газетах. Да и теперь скажу, что мало знаю.

Председатель. — Он изъявил желание видеть вас в январе 1916 г.?

Беляев. — В январе 1916 года. Ко мне постоянно целый ряд лиц обращались, как к помощнику военного министра. Как помощник военного министра и начальник генерального штаба, я массу лиц должен был принимать, и однажды мне доложили, что меня желает видеть Распутин. Я его видел, он в общем был три или четыре минуты.

Председатель. — Значит, вы его приняли?

Беляев. — Это единственный раз, когда я его видел. Перед этим я получал записки. Когда первый раз доложили, что пришла какая-то дама, я сказал, что принять не могу, я занят. Тогда мой секретарь дает письмо. Я смотрю — что такое — насмешка? и потом читаю: «милый, дорогой, выслушай . . . Григорий». Помню, я с секретарем разбирал, что это за записка. Я помню, он был у меня три минуты, просил разрешения присылать записки, если что нужно. Я говорю: «Пожалуйста; но я не могу делать, когда просят незаконно». Я по этому поводу должен сказать, что я ни одной просьбы его никогда не исполнил. Помню даже, однажды я был страшно занят, вдруг является одна дама и просит, чтобы я ее принял. Вы отлично знаете дамские просьбы. Постоянно личные вопросы. Сначала говорит по телефону: «Примите от меня письмо». Я говорю: «Пришлите его». «Я не могу прислать, я должна лично передать». Я говорю: «От кого?». — «От Распутина». Я говорю: «Сударыня, как вам не стыдно беспокоить меня такими вопросами». Оказывается, просила избавить от воинской повинности какого-то студента.

Алушкин. — Вы для Распутина ничего не сделали?

Беляев. — Я могу это под присягой показать. Совесть у меня в этом отношении совершенно чиста.

Председатель. — Все-таки остановитесь на этой самой беседе вашей с Распутиным, хотя бы и кратковременной. Зачем он к вам приезжал? Вы расстались с тем, что если что будет нужно, он будет к вам присылать, и вы сказали: пожалуйста. Но сущность беседы в чем заключалась?

Беляев. — Дело в том, что я еще за несколько лет до войны встречался в доме моего брата с Вырубовой.

Председатель. — Какое положение занимал ваш брат?

Беляев. — Мой брат был в то время адъютантом великого князя Андрея Владимировича и жил в Царском Селе.

Председатель. — Как его зовут?

Беляев. — Он был женат на б. графине Ридигер и потому, вместе с майоратом, получил эту фамилию и называется граф Ридигер-Беляев. Я встречался у него раза два-три с Вырубовой. Иногда Вырубова мне писала разные записки, просьбы. Сам я Вырубову мало знаю. Тогда она мало выезжала. Она больна, кажется, была в то время.

Председатель. — От своего имени были просьбы Вырубовой или от чьего-либо другого?

Беляев. — От своего.

Апушкин. — Чего эти просьбы касались?

Беляев. — Я затрудняюсь вам сказать. Выслушать такого-то, принять такого-то.

Председатель. — Ну что же, это до войны вы встречали Вырубову, а во время войны?

Беляев. — Во время войны она посылала всякого рода записки. Засим, может быть, разрешите еще один эпизод рассказать?

Председатель. — Да, пожалуйста.

Беляев. — Мне 53 года. Я отлично помню, что это было в субботу 6 февраля 1916 г. Звонит телефон из Царского Села, и Вырубова мне заявляет, что императрица Александра Федоровна желает со мной переговорить. Я должен сказать, что меня неоднократно вызывала по различным делам императрица Мария Федоровна. Императрица Александра Федоровна меня ни разу не вызывала. Это было в первый и единственный раз, что она меня вызвала. Я был очень смущен. Вырубова говорила, чтобы я непременно сегодня приехал, и указала поезд. Вечером я поехал в Царское Село. Я был очень удивлен, когда явился во дворец и мне заявили, что сейчас выйдет Вырубова. И ко мне обращается Вырубова, заявляя, что вот она получила известие, что на Распутина будет сделано покушение. Не могу ли я, с своей стороны, оказать какое-либо содействие, чтобы помочь предотвратить? Я был в высшей степени удивлен этим обращением ко мне. Я вижу, что страшно нервная дама — это было вскоре после крушения поезда — вышла

с костылем. Это было первый раз, единственный раз, когда я ее увидел во время войны. До войны я ее видел два-три раза. Я ее шуточками стал успокаивать: «что вы, помилуйте».

Председатель. — Это было до посещения вашего Распутиным или после?

Беляев. — Это было после, так как-то было в январе, а этот день, я помню это, было 6 февраля. Затем, после четвертичасового разговора, она ушла, и вышла государыня. Императрица начала говорить о привязанности своей к Вырубовой, что ей очень жаль Анну Александровну, что вообще, может быть, я мог бы им помочь, и это было бы очень приятно. В 10 часов я уехал и сейчас же по приезде в Петроград вызвал своего бывшего помощника, который служил по контр-разведочной части.

Председатель. — Кого же?

Беляев. — Его нет теперь. Он командует бригадой. Это генерал Леонтьев, мой друг и бывший помощник. Мы с ним пришли к убеждению и решению, что, конечно, никакого отношения к нам это дело не может иметь, что нужно вообще быть осторожным и оставаться в стороне. На этом кончилось всякое мое участие в этом деле.

Председатель. — Вы только с ним обсуждали этот вопрос или еще с кем-нибудь?

Беляев. — Он был и полковник Мочульский. Я вызвал двоих. Он тоже командует полком в Могилеве и состоит заведующим контр-разведочной частью. Мы втроем пришли к убеждению, что в это дело не следует вмешиваться, что военная власть никакого отношения к этому делу не имеет. На следующую ночь был арестован кто-то такой — кто покушался.

Председатель. — Кто был арестован?

Беляев. — Я не знаю, Ржевский, кажется. Я подробностей этого дела не знаю. Это было, как я сказал, в субботу 6 февраля. В понедельник ко мне приехал генерал Воейков.

Председатель. — Вы передали ему ваш отрицательный ответ на просьбу относительно Распутина?

Беляев. — Когда на следующий день мне звонила по телефону Вырубова, я ей сказал, чтобы она совершенно не беспокоилась, и опять старался ее утешить. И тогда как раз мне было передано, что этот господин был арестован, что на самом деле все это сосредоточено в министерстве внутренних дел, и, поэтому, ей решительно нечего беспокоиться.

Председатель. — А вы ей передали ваш отрицательный ответ на этот вопрос?

Беляев. — Я ей сказал, собственно, что тут никакого моего отношения не может быть, потому что тут все находится в других руках, в руках другого ведомства.

Председатель. — Вы ей сказали, что это дело касается контр-разведки?

Беляев. — Не касается контр-разведки. Я ей сказал и накануне, чтобы она не беспокоилась, что вообще дело находится в других руках.

Председатель. — А это вы откуда знали?

Беляев. — По приезде из Царского я говорил с генералом, заведующим контр-разведкой, и полковником, и на следующее утро они передали по телефону, что в эту ночь был арестован этот господин, что все сделано, что все находится в руках министерства внутренних дел.

Председатель. — И вот после этого к вам явился Распутин?

Беляев. — Нет, до этого. Засим, в понедельник, ко мне приехал по этому вопросу генерал Воейков. С генералом Воейковым я был знаком в служебном отношении давно. Мы с ним переговорили, и я сказал, что никакого дальнейшего участия в этом деле не следует принимать, что все это—дело министерства внутренних дел.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, чем же объясняется то, что вы сказали раньше: по вашим словам то, что собой представлял Распутин, вам стало известно лишь после его убийства, т.-е. в декабре. Между тем, в феврале вы вызывались в Царское Село для беседы о Распутине с Вырубовой и б. императрицей. Затем к вам по этому поводу приезжает Воейков. Неужели вы тогда себе не представляли, что такое значит Распутин?

Беляев. — Я, конечно, слышал, как всякий обыватель Петрограда, что Распутин чем-то, так сказать, известен. Засим, что он собой представлял, я узнал из газет. Я думал, что это близкий человек к Вырубовой.

Председатель. — Но, может быть, и к императрице бывшей, потому что императрица с вами говорила?

Беляев. — Я должен сказать, что насколько Вырубова производила на меня впечатление нервной, впечатление белки, которая вертится в колесе, настолько спокойно, хладнокровно, почти не касаясь этого господина, со мной разговаривала императрица.

Председатель. — Но о чем же она говорила?

Беляев. — Императрица мне говорила о своей привязанности к Вырубовой, о том, что она очень хотела бы облегчить положение Вырубовой, помочь ей. Она знала, что я знаком с ней через моего брата, что моя belle-soeur близка с Вырубовой.

Председатель. — А это облегчение и помощь Вырубовой должны были заключаться в чем?

Беляев. — Чтобы я выяснил, действительно ли, что-нибудь предпринимается против Распутина.

Председатель. — Значит, помощь Вырубовой, успокоение Вырубовой должно было с вашей стороны заключаться в оказании содействия к выяснению вопроса о Распутине?

Апушкин. — То, что вы рассказали, это было в феврале?

Беляев. — Да, в феврале.

Апушкин. — А не в мае? Или в мае было повторение этого случая?

Беляев. — Я, конечно, могу ошибаться, но я точно могу сказать, что это было 6 февраля 1916 года; в мае ничего не было.

Апушкин. — К вам являлся Симанович и еще какое-то лицо, которых вы сами допрашивали; фамилия этого лица начиналась на Р.

Беляев. — Ко мне на квартиру явился один господин на следующий день после того, как я был в Царском Селе, и сообщил мне подробности покушения.

Председатель. — Неизвестный вам человек? Как вы его приняли?

Беляев. — Вырубова мне накануне говорила о нем. Жидок, кажется. Он пришел ко мне и говорил, что Вырубова предложила ему прийти ко мне.

Председатель. — Это было после вашей беседы с генералом Леонтьевым?

Беляев. — Да, после.

Апушкин. — Это была беседа с генералом Леонтьевым или поручение расследовать?

Беляев. — Это был мой друг. Это была беседа.

Апушкин. — А поручение, данное генералу Леонтьеву, данное генералу Потапову, это тоже были беседы? Потапов был кем?

Беляев. — Потапов был одним из помощников генерал-квартирмейстера.

Апушкин. — Если это была и дружеская беседа, то на каком основании генерал Леонтьев мог приказывать генералу Потапову произвести это расследование?

Беляев. — Я об этом даже не знал. Я отлично помню свое впечатление, что мы к этому никакого отношения иметь не должны, и что тут нам решительно никакого участия принимать не следует.

Апушкин. — Вы утверждаете, что вы не предлагали вызвать к допросу Симановича и Ржевского, не поручали произвести этот допрос генералу Леонтьеву или генералу Потапову через генерала Леонтьева? Затем, вы не сообщали генералу Леонтьеву, что в допросе этих лиц надобности нет, так как они к вам уже являлись и вы их опросили?

Беляев. — Двух лиц у меня не было. Насколько мне помнится, было одно лицо.

Апушкин. — Вы знаете, кто такой Симанович?

Беляев. — Мне Вырубова сказала: тут есть Симанович. Я даже фамилию твердо удержал в памяти. Я помню, что она говорила о Ржевском и Симановиче. Затем утром ко мне

является этот господин и указывает, что он по поручению Вырубовой. Подали мне карточку Симановича. И, когда я спросил, кто и что, мне говорят: по поручению от Вырубовой. Мне кажется, что был один господин. Тут я его выслушал.

Алушкин. — Это было днем или ночью?

Беляев. — Это было утром. Я находился под впечатлением того, что, как мы накануне решили, к нам это дело не имеет отношения, так как это — дело министерства внутренних дел. А относительно Потапова, вероятно, я просил выяснить, что делается в министерстве внутренних дел.

Алушкин. — Почему вас интересовало, что делается в министерстве?

Беляев. — Потому что я был рад отделаться от этого дела.

Алушкин. — А почему к вам могли обратиться, как к начальнику генерального штаба, с просьбой о раскрытии этого заговора?

Беляев. — Я говорю, что Вырубова на меня произвела впечатление . . .

Алушкин. — Но ведь у Вырубовой, вероятно, много знакомых. Почему она к вам обратилась, вы этого вопроса не задавали себе? Почему она не обратилась непосредственно туда, куда следует обращаться в таких случаях? Чем она мотивировала свое обращение к вам? Какими средствами вы, начальник генерального штаба, могли помочь?

Беляев. — Она говорила, что я, как начальник генерального штаба, могу помочь. Помню такой факт: она по всем делам обращалась к министру внутренних дел Хвостову. Она мне говорила, что просила Хвостова приехать, и Хвостов, который постоянно к ней приезжал, сегодня сказал ей, что не может приехать, потому что едет на какой-то обед. Ее в высшей степени удивил этот отказ; она говорила, что это ее очень тревожит.

Алушкин. — Вас не поразило, что, не будучи близко знакома с вами, она обращается по очень волнующему ее вопросу к вам, начальнику генерального штаба?

Беляев. — Ко мне с самого начала войны по самым разнообразным вопросам обращались разные лица. Может быть, мое имя было, так сказать, популярно до известной степени, так как по самым разнообразным вопросам обращались ко мне.

Алушкин. — Не можете ли вы объяснить, от кого вы получили эту бумагу? (Предъявляет бумагу, содержащую ходатайство о переводе Дмитрия Распутина в Петроград для зачисления в кадр санитаров.)

Беляев. — Я отлично помню, от кого; история этой бумаги такова. Мне передает по телефону генерал Воейков о том, чтобы я принял полковника Ломана. Я говорю: хорошо. И эту бумагу передал мне полковник Ломан.

Апушкин. — Здесь ходатайствуется о переводе из 35 сибирского зап. батальона стрелка 3 роты Дмитрия Распутина из города Тюмени в распоряжение петроградского уездного воинского начальника для зачисления его в кадр санитаров. Вы как истолковывали — откуда оно исходит, кто ходатайствует перед вами?

Беляев. — Мне, насколько я помню, полковник Ломан сказал, что государыня императрица ходатайствует о зачислении Дмитрия Распутина в один из санитарных поездов. Это ходатайство мне передал полковник Ломан, по телефону об этом мне говорил Воейков.

Апушкин. — А ваше распоряжение по этому делу было какое?

Беляев. — Мы должны были переводить целый ряд лиц в санитары, и если это не выходило из области нормальной, это более или менее всегда исполнялось.

Апушкин. — Какие распоряжения вы сделали?

Беляев. — Я сказал, чтобы это было удовлетворено, что нет основания не исполнить этой просьбы.

Апушкин. — Скажите, всякий стрелок, который пожелал бы быть переведенным в санитары, был бы вами переведен?

Беляев. — У нас по этому поводу была разная практика в то время. Вероятно, это было в начале 1916 года?

Апушкин. — Это было в октябре 1916 года.

Председатель. — Для того, чтобы стрелка из строя перевести в санитары, должна быть наличность известных условий. Вы говорите — не имелось оснований для неисполнения. Следовательно, военный министр или начальник штаба должен ставить вопрос перед собой — имеются ли условия для удовлетворения этой просьбы, а не то, что отсутствуют ли условия для неудовлетворения. Вы понимаете, в чем дело? Логически надо спросить, удовлетворяет ли этот человек условиям, которые существуют. Нам не важно их знать. Но вы поступили совершенно обратно тому, что требовалось.

Беляев. — Мы должны были укомплектовывать известные санитарные управления.

Председатель. — И для того, чтобы укомплектовать санитарные управления, для этого вы стрелка 3-й роты из Омского округа выписываете?

Апушкин. — Вы приказали исполняющему должность начальника генерального штаба в резолюции и на словах «срочно телеграфировать начальнику штаба Омского округа о немедленном командировании стрелка Распутина в распоряжение царскосельского воинского начальника», указав, что если он ушел с маршевой ротой, то сделать распоряжение в эшелон по телефону, снестись с полковником Ломаном и сделать распоряжение о перечислении его в санитары. Я вам напомню, что по этому поводу было телеграфировано начальнику Омского округа: «командировать в распо-

ряжение царскосельского воинского начальника и телеграфировать» и т. д. Затем вы получили сведения, что последовало высочайшее соизволение на перечисление стрелка Распутина и что он был командирован из Тюмени в распоряжение царскосельского воинского начальника. Одним словом, вы принимали по этому поводу экстренные меры. Соответствовали ли эти меры хотя бы распоряжению военного ведомства не принимать излишней переписки по телеграфу, который нужен для военных надобностей? Чем такие меры вызывались после того, как вы сказали, что Распутину никогда никакой услуги не оказывали?

Беляев. — Я помню, меня просил генерал Воейков принять полковника Ломана.

Апушкин. — Вы делали это одолжение Ломану или Распутину, сын которого зачислялся?

Беляев. — Я лично считал, что делаю это исключительно для Воейкова. Это было распоряжение, которое мне было передано.

Председатель. — Чье распоряжение?

Беляев. — Я не спросил, чье.

Председатель. — Вы никогда не спрашивали, когда вам, генералу-от-инфантерии, полковник передавал распоряжение, чье именно передает он распоряжение?

Беляев. — Это было от генерала Воейкова.

Апушкин. — Генерал Воейков вправе вам давать служебные поручения? Он был ваш начальник?

Беляев. — Полковник Ломан передал, что это желание императрицы, но я считал, что ко мне обратился генерал Воейков, который говорил, что уезжает с государыней в Ставку, не может сам приехать и просит, чтобы я принял полковника Ломана.

Председатель. — После того, как все это обнаружилось, можете ли вы отрицать, что из-за какого-то стрелка Распутина начальник генерального штаба телеграфировал срочно в Омск? Это было в октябре 1916 г. Как прикажете отнестись к вашим утверждениям, что вы до самой смерти Распутина не знали, какую он роль играет в русском государстве?

Беляев. — Это в высшей степени трудно сказать. Я лично считаю, что содействовал не для Распутина. Я сказал, что я совершенно не знаю, какую роль играл Распутин. Я отлично знал, что есть Распутин, какой-то старец, как говорили, и я помню, когда его встретил, я увидел, что он вовсе не старец, но я думал, что это благочестивый человек. Между тем, потом я узнал, что он вовсе не благочестивый.

Председатель. — Чем объясняется, что вы, живя в Петрограде, где два миллиона жителей, где все знают благочестивые свойства этого старца, что вы, человек, получивший высшее образование, вы один считаете, что Распутин, это — благочестивый старец? Чем это объясняется?

Беляев. — У меня осталось одно в памяти, что это не сын Распутина, а брат, — мне это сказал Ломан.

Председатель. — Вот видите, даже такая маленькая подробность осталась у вас в памяти. Ходатайствуется о передаче его в распоряжение петроградского уездного воинского начальника, а ваша резолюция — «к исполнению в распоряжение царкосельского воинского начальника», вы его прямо в Царское Село.

Беляев. — Он не знал, каким образом это делать, он просил перевести его сюда для назначения «санитаром в один из поездов»: поезда императрицы находятся в ведении царкосельского воинского начальника.

Председатель. — А вы не считали обязанностью русского генерала, когда выдвигается требование, для удовлетворения которого нет в наличности данных, а есть только желание, хотя бы и генерала Воейкова, хотя бы императрицы, — вы не считали долгом русского генерала ответить отрицательно на такое ходатайство? Позвольте, ведь не один Распутин, и другой, и третий тоже ходатайствовали, вероятно, о переводе в санитары? Какое отношение ваше было к другим?

Беляев. — Нужно вам сказать, что это было в 1915 г., во время значительного развития всякого рода санитарных учреждений: тогда было установлено, если не ошибаюсь, по мобилизационным соображениям мирного времени, что мы должны были передать главному управлению Красного Креста 3.000 человек для укомплектования учреждений санитарями. Ведь вы тут извлекли из дела одно, другое, третье, но если бы вы знали, какое громадное количество ко мне постоянно поступало заявлений относительно укомплектования учреждений!

Председатель. — И вы их все удовлетворяли?

Беляев. — Мы должны были удовлетворять.

Председатель. — Вы хотите сказать, что был недостаток в людях, что надо было выписывать, поэтому, из Омска этого стрелка?

Беляев. — В то время постоянно, чуть не ежедневно, поступали такие просьбы.

Апушкин. — Нас интересуется, в какой степени вы так же легко исполняли просьбы других?

Беляев. — Я постоянно исполнял такие просьбы.

Апушкин. — Вопрос в том, что вы, не приняв мер к обследованию дела стрелка Распутина, отдали распоряжение о немедленном его зачислении.

Беляев. — Только в 1916 г., кажется, в апреле, было установлено, что санитары могут быть не моложе такого-то возраста. До этого времени такого условия не было.

Апушкин. — В удостоверение своих слов вы можете сослаться на эту бумагу — о перечислении в санитары нескольких лиц (предъявляет письмо Вырубовой)?

Беляев. — Вот, в частности, обращаю ваше внимание, что она даже не знала, как меня зовут. Это мне передал также Воейков.

Апушкин. — Вы не помните, как вы поступили по поводу этого письма?

Беляев. — Если не ошибаюсь, подобных ходатайств ко мне от Вырубовой поступило два. Первый раз ко мне явился полковник Ломан и привез записку. Это относилось к тому времени, когда она учредила свой лазарет и ей нужно было укомплектовать его.

Апушкин. — Какие меры вы принимали, чтобы удовлетворить это ходатайство? Какой порядок был вами применен при переводе этих лиц из строевых частей в нестроевые?

Беляев. — Я, откровенно говоря, подробностей совершенно не помню.

Апушкин. — Каким образом это делалось? Это в мобилизационном отделе делалось? Для того, чтобы перечислить стрелка в санитары, мобилизационный отдел делал соответствующее распоряжение? Чем объяснить, что для перевода этих лиц потребовалось высочайшее соизволение?

Беляев. — Если не ошибаюсь, существовал такой порядок, что по мобилизационному распоряжению мы должны были передать 3 тысячи человек Красному Кресту. Потом было испрошено высочайшее разрешение о дальнейшем перечислении их. Поэтому каждое перечисление в санитары делалось от высочайшего имени, сперва властью военного министра, а затем властью начальника генерального штаба. Поэтому перечисление в санитары могло последовать лишь «с высочайшего соизволения».

Апушкин. — Получая такие письма, вы отдавали распоряжения, испрашивали высочайшее повеление и этим ограничивались?

Беляев. — Если вы признаете возможным ознакомиться с этим делом, вы увидите, насколько оно обширно. Если мне память не изменяет, эти доклады от высочайшего имени представляли собой целый ряд пунктов. Я думаю, что было триста подобного рода дел и даже больше.

Апушкин. — Вы ответили Вырубовой?

Беляев. — Я никогда ни одного письма, насколько мне память не изменяет, не посылал Вырубовой.

Апушкин. — А это письмо написано вами? (Показывает письмо.)

Беляев. — Это официальное письмо.

Апушкин. — Вы считали нужным уведомить ее официальным письмом?

Беляев. — Как видите. Мне его дали, и я его подписал.

Председатель. — Но вы только что сказали, что вы никаких писем не писали.

Беляев. — Я этого письма не имел в виду.

Апушкин. — Вы считали обязательным всем просителям писать?

Беляев. — Я не могу сказать, всем или не всем, но я думаю, из этого дела вы можете увидеть, как это писалось. Во всяком случае, канцелярским порядком.

Апушкин. — Канцелярским порядком, чрезвычайно обременявшим служащих в главном управлении генерального штаба?

Перерыв.

Апушкин. — Будьте любезны ответить на следующий вопрос. Какие общие мероприятия вы принимали в отношении немецких пленнх и какими принципами руководились при этом?

Беляев. — Принцип у меня был один — забота о русских военнопленных, находящихся в Германии и в Австрии. Каждое мероприятие, которое мы принимали в отношении пленнх в России, естественно вселяло надежду, что оно отзовется на положении наших пленнх в Германии и Австро-Венгрии.

Апушкин. — Какие меры вы принимали в отношении военнопленных наших в Германии и что вы узнали о них?

Беляев. — Мы получали первоначально сведения общие, которые были известны всем, т.-е. которые отчасти помещались в газетах, затем мы получали донесения от наших военных агентов в Копенгагене. Но главные сведения заключались в донесениях или докладах тех первых трех сестер милосердия, которые ездили туда. Если не ошибаюсь, это было весной в первой половине 1915 г. Это были сестры: Самсонова, Коржецкая и Яшвиль.

Апушкин. — Скажите, каково ваше представление о положении наших военнопленных в Германии?

Беляев. — Оно, конечно, ужасно. Мне, еще по моей предшествующей деятельности, приходилось иметь известное отношение к вопросу о наших военнопленных во время японской войны. Конечно, мы жили и приступили к войне под тем впечатлением, что вопрос о военнопленных разрешится так, как он разрешался в ту войну, и поэтому я, как начальник генерального штаба, сейчас же приступил с самой ранней осени 1914 г. к разработке положения о военнопленных в России, придерживаясь положения, выработанного относительно военнопленных в 1904 году. Засим, по тем сведениям, которые доходили до нас, мы увидели, что на вопрос о военнопленных в Германии и Австрии совершенно иначе смотрят.

Апушкин. — Вы вообще верили, что там творятся немецкие зверства?

Беляев. — Этому приходилось верить все больше и больше. Во время войны 1904 года смотрели на военнопленных, как на неизбежное последствие войны, совершенно не так, как теперь смотрели немцы. У меня было впечатление, что нет тех мер,

которых бы не следовало принимать для того, чтобы облегчить положение наших военнопленных. Поездка наших сестер милосердия как раз совпала с приездом трех сестер милосердия немецких — австрийских или германских, не помню. При них состояли датские уполномоченные. И на их жалобы о том, что у нас плохо содержатся пленные, я им заявил, что, во всяком случае, у нас нет ничего подобного тому, что мы знаем относительно содержания наших пленных. Мною было заявлено, что, во всяком случае, можно рассчитывать на улучшение положения их военнопленных у нас в России только в том случае, если мы будем знать, что будут приняты известные меры в отношении наших военнопленных в Германии и Австрии. Не уезжая еще из России, эта сестра милосердия Иксуль фон-Гильденбандт передала генералу Поливанову ноту, полученную ею из Берлина, в которой указывалось на те мероприятия, которые приняты там для улучшения положения русских военнопленных; и она просила, чтобы те же самые меры были приняты и в отношении их пленных. Она была у генерала Поливанова. Мне это было передано датским уполномоченным. Во всяком случае, положение сводилось к следующему. После того, как она сообщила в Берлин о переговорах в Петрограде, — в Берлине были созваны все начальники лагерей, и им были преподаны особые указания. Я помню, например, такие: нижние чины не считаются начальниками офицеров. Офицерам даны известные права, известная свобода предоставлена. Им предоставлено право свободных прогулок в пределах лагеря. Засим просили принять те же самые меры и в отношении германских военнопленных. Было сообщено, между прочим, что если немецким военнопленным в России будут разрешены прогулки по городу под честным словом, то и нашим пленным это будет предоставлено. При этом, насколько я знаю, император Вильгельм дал своим подданным разрешение давать в этих случаях честное слово. Я лично смотрел таким образом, что если бы в наших русских городах, где у нас неоднократно проявлялось неудовольствие вообще против пленных, разрешали немецким и австрийским военнопленным прогуливаться по городу под честным словом, то это могло дать повод к неудовольствию со стороны толпы. Вообще, у нас давно уже проводился такой взгляд, что у нас дают такие льготы содержащимся пленным, каких не дают русским пленным в Германии. Поэтому, если я не ошибаюсь, мы и не разрешили немецким военнопленным свободно ходить по городу на честное слово.

Апушкин. — Вы помните, как этот вопрос разрешился?

Беляев. — Откровенно говоря, нет.

Апушкин. — Вопрос о возможности шпионажа со стороны этих германских сестер милосердия возбуждался и обсуждался?

Беляев. — Да, возбуждался, когда приехала вторая партия сестер.

Апушкин. — А в отношении первой партии?

Беляев. — Во всяком случае, у нас возникал вопрос, не шпионят ли они.

Апушкин. — Такое предположение возникало?

Беляев. — Да, но у нас к каждой сестре милосердия был приставлен русский офицер, который неотступно находился при ней. Я даже помню, что в отношении сестер милосердия была переписка.

Апушкин. — Не припомните ли фамилию этих сестер милосердия?

Беляев. — Одна была Иксуль фон-Гильденбандт, другая — Пасс, третья — Росси. Кажется, их было шесть. наших было три, а тех было три или шесть, я хорошенько не помню. Повторяю, что во всех наших распоряжениях по поводу льгот немецким военнопленным мы придерживались взгляда, что все это делается для улучшения положения русских пленных, которое действительно было ужасно.

Апушкин. — Как вы отнеслись к предложению о командировке постоянных сестер милосердия во вражескую страну?

Беляев. — Из наших сестер две были мне известны, это в высшей степени почтенные дамы, стоящие выше всякой похвалы. Одна из них, вдова генерала Самсонова, в своем докладе в Красном Кресте, рассказала, как с ней во многих случаях поступали.

Председатель. — Вы не помните, когда это было?

Беляев. — Я думаю, это было в конце 1915 года. Я приблизительно могу сказать, боюсь ошибиться. Это было во время пребывания генерала Поливанова.

Председатель. — Приблизительно в конце 1915 года, Самсонова рассказывала о том, в каких ужасных условиях им там приходилось работать?

Беляев. — Нет, не в каких ужасных условиях. Она рассказывала вообще об условиях, в каких они работали.

Председатель. — Это тяжелые условия были?

Беляев. — Неблагоприятные с точки зрения того положения, как содержатся наши военнопленные, и преодоления тех затруднений, которые чинило им немецкое правительство.

Председатель. — Значит, ее доклад сводился к тому, что, вследствие мероприятий германского правительства, они не могли как следует исполнить своего поручения и что германское правительство мешало им исполнить это поручение.

Беляев. — Я не скажу, чтобы в этом докладе эта точка зрения непосредственно проглядывала, но на меня она именно произвела это впечатление. Они поехали туда, полные благородного отношения к делу и ожидая к себе такого же отношения.

Председатель. — Значит, ваш вывод сводится к тому, что им, в сущности, препятствовали всячески и ставили палки в колеса?

Беляев. — Поэтому, когда была командирована вторая комиссия, то я счел необходимым подготовить для нее свод всех тех материалов, которыми мы располагаем, потому что я вынес такое впечатление: от нас они поехали не подготовившись; они принимали на веру то, что им указывала германская власть, между тем, как их сестры, приехавшие сюда, прямо указывали на определенные факты.

Председатель. — Т.-с. немецкие сестры?

Беляев. — Главным образом, конечно, датчане.

Председатель. — Немецкие сестры или датчане? Вы, кажется, говорили, что это были немецкие сестры в сопровождении датских уполномоченных. Одно дело — датчане, а другое дело — немцы.

Беляев. — Каждая партия состояла из сестры милосердия, датского уполномоченного и русского офицера. Один раз я видел Иксуль, а другой раз австриячку России; часто ко мне приходили и их уполномоченные датчане. Так что то, что мы говорили, говорили датчане, — не сестры, а датчане. Они, вероятно, указывали на отдельные факты, а наши сестры такими фактами, повидимому, не обладали. Они случайно узнавали то или другое, как, например, я помню, в своем докладе Самсонова указывали на такой факт, что она хотела лично переговорить с одним пленным, но когда она приехала, ей чинили всякие препятствия, говорили, что его нельзя видеть, что он в бане. Поэтому, когда поехала вторая партия наших сестер милосердия, то я счел необходимым заготовить для них такой список, где подробно были изложены все те сведения, которые нам были известны, чтобы они туда явились с известным материалом, чтобы могли предъявить ряд известных требований. Этому вопросу придавалось особое значение: таким путем мы рассчитывали облегчить положение наших военнопленных.

Апушкин. — Имеются сведения, что сестры милосердия германские и австрийские, прибывающие в Петроград, остаются здесь очень долго, что они вступают в тайные сношения с известными лицами и что вообще в отношении их имеются подозрения в собрании таких сведений, которые могут вредить нашей государственной обороне. Эти сведения имелись, например, у вас 17-го февраля, 18-го февраля вы получили письмо от секретаря бывшей государыни Александры Федоровны, Ростовцева, в котором сообщалось, что на станции Торнео эти сестры досматриваются, и вы на этом письме написали резолюцию, что подобный досмотр недопустим. Это ваша резолюция?

Беляев. — Я помню это.

Апушкин. — Затем, исполнявшему обязанности начальника генерального штаба генералу Занкевичу вы сказали, что это — безобразие, которое нужно прекратить. Чем вы руководствовались

*

в данном случае, когда вы сами говорите, что со стороны сестер милосердия, приезжающих в Россию, возможно было шпионство; вы имели подтверждение этого в той записке, которая имеется в деле, но вы восставали против такого осмотра.

Беляев. — У нас были выработаны основания, если не ошибаюсь, в 1916 г., по которым их нужно было пропускать в Россию и выпускать из России. И между прочим, подобные осмотры были исключены. Они не допускались на основании особого соглашения. При них должны были состоять офицеры, которые были обязаны постоянно следить за ними и не выпускать их из виду, а засим этот осмотр уже на границе не допускался. Вот что привело меня к необходимости сделать это распоряжение.

Председатель. — Но ведь все эти договорные нормы, повидимому, имели во время войны условное значение. Как Германия, так и Россия, стояли на точке зрения взаимности по этому вопросу. Вы изволили сказать, что в конце 1915 года из доклада Самсоновой вы убедились, что германское правительство ставило нашим сестрам ряд препятствий для осуществления их миссии; у вас относительно немецких сестер были даже некоторые указания на то, что они вмешиваются в то, во что не вправе вмешиваться. Значит, вот начало взаимности: наших сестер там преследуют, относительно их сестер есть указание на то, что они вмешиваются не в свое дело, а вы в срочном порядке делаете распоряжение, что подобный осмотр недопустим.

Беляев. — Германское правительство, всегда поступавшее весьма расчетливо, официально распоряжалось так, что формально от соглашения не отступало. Напротив того, все неофициальные его распоряжения сводились к тому, чтобы чинить нашим сестрам милосердия различного рода затруднения. Вот, как я говорил, Самсонову допустили в такой лагерь, но чтобы она не могла видеть данного человека, его придумали отправить в это время в баню. Теперь, по поводу осмотра германских сестер. Они являлись представительницами Красного Креста; было указание, кажется, барона Мейендорфа, что Красный Крест стоит вне политики и, поэтому, его представителей нельзя заподозривать в шпионстве. Впрочем, от этой точки зрения барон Мейендорф потом отступил.

Председатель. — Красный Крест вне политики, когда он занимается делом Красного Креста, а не тогда, когда сестры приезжают в Россию под флагом Красного Креста и занимаются, как вам доносили, чем-то, что не нужно и что к области Красного Креста не относится.

Беляев. — Относительно Иркутска я могу, например, сказать следующее: германская сестра милосердия стремилась видеться с какими-то германскими подданными, которые были высланы туда. Стремилась принимать некоторых господ вне присутствия русского

офицера, который при ней состоял. Вот, собственно говоря, в чем проявлялось это стремление обойти соглашение.

Председатель. — Как же вы к этому относились? Значит она стремилась видеться с интернированными немцами, жившими прежде в России?

Беляев. — На это она имела право, потому что они считаются военнопленными.

Председатель. — Но она стремится видеться в отсутствие тех людей, которые за ней надзирают. Как реагирует на это военный министр?

Беляев. — Я помню, мы постоянно требовали от этих офицеров (можно найти переписку об этом), чтобы они указывали на недопустимость таких действий.

Председатель. — Вы по образованию юрист или кончили академию генерального штаба?

Беляев. — Академию генерального штаба.

Председатель. — Скажите, как вы, как военный министр, относились к бумаге такого рода: вам объявляется воля государыни императрицы и вам рекомендуется этой воле подчиниться. «Повелела мне просить ваше высокопревосходительство не отказать в распоряжении». На основании этой воли вам предлагается сделать распоряжение, чтобы будущий осмотр не применялся. Вы были подчинены главе государства, государю императору, а не императрице?

Беляев. — Конечно, я смотрел на это, как на неудачную редакцию. Моя резолюция заключалась в том, что на основании соглашения, по которому они были допущены в Россию, мы не имеем права делать этого осмотра.

Председатель. — Такой резолюции нет. Резолюция такая: «Подобный осмотр недопустим».

Апушкин. — Один из свидетелей, генерал Занкевич, сказал, что вы назвали это безобразием.

Председатель. — Это говорит уже о том, что вы не только стояли на холодной, формальной точке зрения, но и по существу высказывались известным образом.

Беляев. — Я не могу сказать, какое именно выражение я употребил, по существу я высказался только, что мы не имели права в отношении их этих мер применять.

Апушкин (показывает бумагу). — Вот этот документ тоже никем не подписан. Он содержит в себе проект запроса относительно пленных германских офицеров. По поводу такой бумаги, никем не подписанной, вы кладете резолюцию и поручаете вашим подчиненным наводить целый ряд справок о судьбе этих военнопленных офицеров. Вы всегда так относились к такого рода анонимным запискам, которые вам приносили?

Беляев. — Эту записку мне передал гр. Ростовцев. К нам неоднократно поступали просьбы относительно выяснения положения различных военнопленных. Всякое облегчение участи какого-нибудь военнопленного в России облегчало выяснение различных вопросов относительно русских военнопленных в Германии.

Алушкин. — Так что, если у нас в отношении военнопленных германцев поступали по закону, вы полагали, что и там поступают по закону? Но вы сказали, что там, напротив, поступали не по закону.

Беляев. — Неоднократно у нас бывали случаи, что если изменилось положение относительно такого-то у нас, то облегчалось положение там; в деле о военнопленных можно найти целый ряд таких случаев.

Алушкин. — Таких указаний в деле я не нашел. Я нашел целый ряд распоряжений ваших о немедленном телеграфировании по тому или иному вопросу. Обращаю на это ваше внимание. Все сношения, требующие сообщения сведений о положении тех или других военнопленных, — будет ли это по письму графини Карловой, великой княгини Марии Павловны или великой княгини Елизаветы Маврикиевны — все равно, — все сношения делались по телеграфу. Вы, стало быть, полагали, что, делая подобного рода любезности этим лицам в отношении германских пленнх, вы можете рассчитывать на такие же любезности в отношении наших пленнх?

Беляев. — Я считал, что это вовсе не любезность с моей стороны по отношению хотя бы к графине Карловой. Здесь вы упоминаете лиц, которые обращались ко мне, как к военному министру. Это была не любезность, а сознание, что выяснение положения военнопленного, содержащегося в России, отзовется на улучшении положения русских военнопленных в Германии.

Председатель. — Вы стали на точку зрения взаимности. Почему же вы не стали на ту же точку зрения в отношении этих немецких сестер тогда, когда нашим сестрам в Германии всячески мешали исполнить свою работу? Почему вы там стали на точку зрения формы, а не взаимности?

Беляев. — Я должен сказать, что это обвинение я не вполне разделяю; в этом деле вы найдете документ, который был доставлен сестрой милосердия Иксуль, на немецком языке, на нескольких страницах, где прямо указаны те улучшения и те мероприятия, которые приняты в настоящее время в Германии. Поэтому я лично имел уже за собой то, что вот при известном отношении к делу мне уже удалось добиться улучшения положения наших военнопленных. Всякие с моей стороны меры, которые привели бы только к раздражению и к излишней, может быть, формальности, к излишней строгости, они

Председатель. — Вопрос в том, излишняя ли это строгость? Вы понимаете — в Германии нашим сестрам мешают делать то дело, которое им поручено. Что же вы делаете здесь? Вы получаете указания, что германские сестры делают то дело, которое им не поручено, или, может быть, и поручено, но неофициально, и которое может принести вред России. И из того, что нашим сестрам мешают делать дело, которое им поручено, вы делаете вывод, что германским сестрам не надо мешать делать то дело, которое они делают попутно.

Беляев. — Я должен сказать, что мне лично известно только два случая, которые свидетельствуют о некорректном отношении сестер милосердия. Во всяком случае к ним относились с известной осмотрительностью, потому что они все-таки немки, затем — война и, конечно, склонны были подозревать в них шпионские наклонности. Мне известен один случай, о котором я говорил, — случай в Иркутске, и второй, когда я был за границей. . .

Апушкин. — Стало быть, вы с доверием относились к словам сестер милосердия, что в отношении наших военнопленных принимаются облегчительные для них меры?

Беляев. — Да.

Апушкин. — Но вы сказали, что положение наших военнопленных было ужасно. Как мне согласовать, что вы признавали положение наших военнопленных ужасным и в то же время относились с доверием к немецким заявлениям, что положение не ужасно? В подтверждение я приведу факт в связи с этой бумагой. Вы по поводу этой бумаги говорите: «Я хотел сделать то, о чем говорится в этой бумаге, и потребовать на этом основании какие-нибудь уступки». Вы это находили нужным сделать по принципам взаимности, чтобы и Германия это сделала. Это правильная формулировка? Вы против нее не возражаете?

Беляев. — Нет.

Председатель. — Тут у вас сказано, что нужно было сделать по поводу этих офицеров какое-то сношение. Вы руководитесь принципом взаимности, значит, официально идет из Германии — тут делается, официально идет от нас — там делается. А между тем, вы исполняете, ради установления принципа взаимности, просьбу лица, не занимающего официального положения?

Беляев. — Неоднократно к нам обращались русские с подобного рода просьбами не через меня, а через других, обращались к высоким особам. Вот вы здесь упоминали имя графини Карловой. Вы можете найти такое же письмо в этом деле принцессы Саксен-Альтенбургской, Е. Г., где она пишет, что у нее две дочери находятся в Германии, и предлагает узнавать через них о тех лицах, которые интересуют русскую власть. Несомненно, к ней же таким образом обращались относительно и наших военнопленных в Германии. Если бы мы не давали ответа на это, то и русские.

которые интересуются своими родственниками в Германии, не получали бы тех сведений, о которых они запрашивают.

Председатель. — Значит вы находили нужным удовлетворять просьбы частных лиц, к вам обращавшихся, чтобы соответственные просьбы частных лиц удовлетворяли бы и в Германии?

Беляев. — Частные лица ко мне не обращались, я не помню, по крайней мере. Может быть, было обращение не ко мне, потому что они несомненно обращались к тем лицам, которые могли помочь, допустим, к принцессе Альтенбургской или княгине Марии Павловне. Что касается Александры Федоровны, то она не могла давать повеления, но в данном случае исполнение ее просьбы не являлось незаконным с моей стороны поступком. Такое распоряжение могло привести к облегчению положения наших военнопленных в Германии. Вот точка зрения, которой я придерживался.

Председатель. — Значит, эта бумага передана вам гр. Ростовцевым, личным секретарем бывшей императрицы, с указанием, что это — желание императрицы, т.-е., что императрица возбуждает вопрос о командировании постоянных сестер милосердия для пребывания их в Германии, с целью навещать военнопленных. Почему эта бумага, — вам было ясно, что она исходила от императрицы, — носит несколько конспиративный характер в том смысле, что имя бывшей государыни здесь не значит, а просто сказано «не признали бы вы это возможным». Затем: «желательно иметь сведения». А кому желательно — здесь не указано.

Беляев. — Я должен по этому поводу с полной откровенностью сказать, что, когда я был в Румынии, граф Ростовцев обратился однажды с просьбой по поводу того, что в Омском, кажется, округе недостаточно обращают внимание на военнопленных, и, поэтому, к императрице поступают жалобы и заявления, которые могут отозваться на ухудшении наших военнопленных в Германии. Секретарь об этом написал бывшему начальнику генерального штаба Аверьянову: «Секретарь ее величества, по приказанию государыни императрицы Александры Федоровны, передал» и т. д., одним словом, выходило так, что действительно императрица вмешивается в дела военного ведомства. Они написали такую бумагу, которая потом была помещена в приказах по округам и была напечатана в газетах. Это произвело неблагоприятное впечатление. Я лично постоянно высказывался, что при обращениях б. императрицы к подлежащей власти — в данном случае к военной — дело последней поступить так или иначе.

Алушкин. — То, о чем вы говорите, относится к тому, что было помещено в газете «Русское Слово» и «Новое Время». По этому поводу вы сделали распоряжение об опровержении?

Беляев. — Да.

Апушкин. — А эта бумага (показывает бумагу)? Бывшая императрица Мария Федоровна получила от датского представителя телеграмму с донесением о том, что над военнопленными в Австрии, водворенными в Красноярск, имеет быть...» (читает). Каким образом здесь имеется налицо совершенно определенное вмешательство императрицы Марии Федоровны в распоряжения военного ведомства?

Председатель. — Прибавим, вами исполненное, потому что мы рассматриваем этот факт с точки зрения правильности ваших должностных действий.

Беляев. — Я помню, что меня императрица Мария Федоровна вызывала в Аничков дворец по этому поводу. Оказывается, что этот господин был помилован, при чем произошла какая-то ошибка, так что, действительно, оказались налицо такие обстоятельства, о которых идет речь в бумаге.

Апушкин. — Вами давалось в этой же телеграмме командующему войсками Иркутского округа приказание оставить его в Красноярске.

Беляев. — Вероятно до выяснения обстоятельства. Я лично имел в виду одно: выяснить, что можно сделать по этому заявлению.

Председатель. — Это официальное сообщение было вызвано тем, что вами было признано нетактичным, чтобы подчиненный вам орган, делая известное распоряжение, упомянул имя государыни императрицы. Вы в этом официальном сообщении говорите, что это распоряжение делается потому, что, на основании таких-то и таких-то положений о военнопленных, забота о пленных германцах лежит на обязанности военного министерства. Значит, императрица Александра Федоровна обратила внимание на то, что плохо содержатся пленные, и приказала и т. д. То же было перепечатано и газетами. Как же можно опровергать газетную заметку, которая точно воспроизводит подлинник? Каким образом ваше министерство нашло нужным написать под титулом официального сообщения, в сущности, опровержение этой заметки?

Беляев. — Опровергалось, в сущности, только заглавие.

Апушкин. — Здесь имелось в вашем деле три варианта, и из них вы выбрали номер второй?

Беляев. — Если не ошибаюсь, было два варианта.

Апушкин. — Позвольте вас убедить в наличии трех вариантов по номерам. Я установлю разницу: «Принимая во внимание, что заголовок означенной заметки (читает) военное министерство считает необходимым разъяснить...» Затем третий вариант (читает): «Принимая во внимание, что заголовок означенной заметки «Попечение о пленных...» (читает). Вот этот третий вариант раскрывает мысль, заключающуюся в том, что все это было связано с именем Александры Федоровны. Вы, может

быть, совершенно тактично отказались подчеркнуть это, избрав второй вариант, но смысл этот совершенно определенный. Эта заметка не вызывала никакой надобности в опровержении.

Беляев. — Военный министр обязан стоять на страже, так сказать, законности и на страже поддержания авторитета высших лиц, авторитета императрицы. Ведь несомненно эта заметка в газетах имела тенденциозный характер. Мне заявляет секретарь императрицы, что это произвело в высшей степени тяжелое впечатление на императрицу. Как мне на это смотреть? Ведь действительно эта бумага написана, я скажу, несоответственно, это несомненно так. Я считал, что всеми подобного рода обращениями императрица лишь доводит до сведения военного министра о том, что известно ей и что она считает входящим в круг ее ведения. Дело подлежащей власти решить так или иначе. Императрица не настаивает, она доводит только до сведения. Поэтому подчеркивать, что это делается якобы по приказанию императрицы — это уже неправильно.

Председатель. — Генерал, вы только что сказали, что вы считали себя обязанным поддерживать авторитет высших лиц и правительства и потому написали это опровержение. А не находите ли вы, что для того, чтобы поддерживать авторитет высших лиц в правительстве, вам, в должности военного министра, или в должности начальника генерального штаба, нужно было сделать одно: раз лицо, хотя бы занимающее высокое положение в государстве, вмешивается не в свое дело, сказать этому лицу, чтобы оно этого не делало. Ведь вы—ответственный человек, вы—министр.

Беляев. — Я должен сказать, что на моей совести нет ни одного такого распоряжения, которое было бы результатом того, что кто-либо вмешивался в дело, его не касающееся. Императрица была председательницей комитета по попечению о русских военнопленных в Германии.

Апушкин. — Теперь об учреждении постоянных сестер милосердия во вражеских странах. Вы полагали, что это весьма желательно, так как повело бы к улучшению материального положения наших военнопленных, оказало бы нравственную поддержку. Но вы указывали на затруднения, которые наши сестры встретили во время поездки в Германию. Почему в данном случае вы не полагали, что, при постоянном пребывании в Германии, им пришлось бы встретиться с еще большими препятствиями, и почему вы не предполагали бы, что постоянное пребывание германских сестер милосердия в России дало бы им возможность развития деятельности по шпионажу, облегчило бы собирание сведений, для нас нежелательных? В этом смысле, насколько известно, вам и делались указания?

Беляев. — Во всяком случае, я могу ошибаться, но лично я считал наше положение военнопленных в Германии чрезвычайно

тяжелым. Их нужно разделить определенно на три категории. Военнопленные, находящиеся в лагерях, или у нас — в местах водворения, военнопленные, находящиеся на разного рода работах, и у нас то же самое, и военнопленные, взятые, так сказать, на поле сражения, военнопленные, находящиеся еще в непосредственном распоряжении военного начальства до передачи их начальству тыловому. Вот три категории военнопленных. И, конечно, когда говоришь в общих чертах о положении, имеешь в виду одну категорию и не имеешь, может быть, в виду другой. Некоторые категории пленных содержатся гораздо лучше. Во всяком случае, все они содержатся различно. И я лично считал, что постоянное пребывание в Германии наших сестер милосердия дает им возможность смотреть на свои обязанности не так, как в первый раз во время поездки, когда они поневоле руководствовались только волей германских властей. Я думал, поэтому, что, постоянно пребывая там и действительно ознакомившись с условиями содержания пленных, они могут настоять на известном улучшении. Пребывание наших сестер милосердия там производило громадное впечатление на наших пленных. Они целовали им руки, они бросались к ним: они смотрели на сестер, как на своих спасительниц. Поэтому мне казалось, что действительно это для наших военнопленных спасение. Теперь вопрос — какой ценой это покупалось? Конечно, это покупалось только ценой взаимности. Мне приходилось слышать, что у нас прекрасно содержатся военнопленные в России, но у нас военнопленные содержались во многих случаях в очень тяжелых условиях. Теперь относительно шпионажа. Германская шпионская сеть так умно и расчетливо раскинута, что она достигает чрезвычайных целей, и, поэтому, для них этот шпионаж сестер милосердия есть номер тысячный какой-нибудь, сравнительно со средствами, которыми они располагают. Мы во всяком случае имели возможность так или иначе оградить их от возможности шпионить. Я вынес такое впечатление, что дело контр-разведки и борьбы со шпионажем у нас поставлено совершенно неумело. Нам не удалось раскрыть ни одной серьезной немецкой организации. Много мне пришлось портить крови и огорчаться по этому поводу. Поэтому я лично, как начальник генерального штаба, который более или менее знаком с порядками организации немцами шпионажа, придерживаюсь того мнения, что сколько-нибудь серьезно шпионить германские сестры не могли.

Председатель. — Вы несколько раз говорили о тяжести положения наших военнопленных в Германии. Что вы, как военный министр, сделали что-нибудь, чтобы облегчить их положение?

Беляев. — Мы безусловно старались сделать все то, что нам представлялось возможным.

Председатель. — Но что же вы делали?

Беляев. — Вот, например, комитет, сборы пожертвований.

Председатель. — Комитет под председательством кн. Голицына?

Апушкин. — А почему не были разрешаемы уличные сборы на нужды военнопленных?

Беляев. — Засим, устраивались им различного рода продовольственные запасы.

Председатель. — Военное министерство устраивало?

Беляев. — Да, через этот комитет. У нас были установлены стеснительные правила таможенные для отправления съестных припасов за-границу. Мы старались, насколько это представлялось возможным, облегчить эти правила в отношении посылок через этот комитет. Затем мне удалось добиться отмены наказаний подвешиванием. Подвешивание существует в военное время, как вид наказания в германской армии, как у нас, например, в военное время существовали розги. Следовательно, они законно применяли это дисциплинарное наказание, а у нас этого нет, у нас точка зрения на это подвешивание была другая. (Обращаясь к Апушкину.) По вопросу, который вы мне предложили, генерал Алексеев писал (это письмо есть в деле), что он лично признает всякое широкое ознакомление публики с предпринимаемыми у нас мероприятиями по облегчению положения наших военнопленных нежелательным, ибо оно приводит к тому, что у нижних чинов постепенно слагается такая точка зрения: значит, о пленных заботятся, и нечего бояться сдаваться в плен. Это письмо несколько раз обсуждалось в совете министров. Генерал Алексеев просил не печатать отчеты комитета императрицы Александры Федоровны относительно сбора пожертвований. Между тем, императрица желала, чтобы отчеты печатались.

Апушкин. — Почему одновременно с этим воспрещалось делать публичные сообщения тем, которые пережили немецкие зверства?

Беляев. — Я первый раз от вас слышу об этом. Мне известен другой факт. Как вам известно, у нас установлен был обмен инвалидов. Так вот, по поводу этого обмена Ставка писала нам, что желательно командировать в войска вернувшихся инвалидов с тем, чтобы они живым словом непосредственно перед своими товарищами раскрыли бы ужасы германского плена.

Председатель. — Кто предлагал это?

Беляев. — Генерал Алексеев. Вот какой была официальная точка зрения. Вы найдете все делопроизводство по этому поводу. Устанавливалось таким образом, откуда собрать партии, как определить денежные и суточные довольствия, на каких основаниях посылать. Так что то, о чем вы мне говорите, мне неизвестно; может быть, это относилось ко времени, когда я был в Румынии не у дел. Я лично не знаю, чтобы кому-нибудь запрещалось читать

лекции относительно ужасов германского плена. Напротив, распространялись брошюры; есть, например, брошюра штаба главнокомандующего, присланная нам для рассылки во внутренние округа, нам подведомственные.

Апушкин. — Теперь я перейду к вопросу о привлечении к работам унтер-офицеров германских. В свое время министерство иностранных дел получило сведения от вернувшихся из Германии сестер, что у наших военнопленных унтер-офицеров разными способами вымогают согласие выходить на работы. Германцы заявили, что они делают по примеру того, как делается у нас. Тогда было заявлено американскому послу, что у нас есть случаи единичные, объясняемые тем обстоятельством, что у некоторых пленных унтер-офицеров не имеется определенных документов, указывающих на их звание, но, когда оно выясняется, их снимают с работ. Вот по этому поводу велась в главном управлении генерального штаба переписка, которая привела к вопросу о привлечении на работы германских военнопленных унтер-офицеров.

Беляев. — Этот вопрос возник во время моего отсутствия.

Апушкин. — Министерство иностранных дел сообщило об этом 7 января 1917 г.

Беляев. — Это, значит, когда я только что вступил. Как известно, у нас чрезвычайный недостаток в рабочих руках. Все министерства просили во что бы то ни стало, чтобы мы как-нибудь им предоставили военнопленных. Тогда и возник вопрос о привлечении пленных германских унтер-офицеров, и это должно было увеличить число тех пленных, которых мы давали в распоряжение министерств, на 40 — 50 тысяч человек.

Апушкин. — После того, как было получено сообщение министерства иностранных дел о том, что наших пленных унтер-офицеров заставляют работать, главное управление генерального штаба вошло к вам с докладом, в котором предлагало на началах взаимности привлечь германских унтер-офицеров к обязательному труду, при чем указывалось, что это привлечение чрезвычайно важно, так как увеличивает рабочие руки, примерно, до 50 тыс. человек, что в настоящее время, при острой потребности в рабочих руках, было бы весьма желательно. На этом докладе, от 11 января, вами написано: «согласен, но в нашем отзыве указать, что у нас соблюдаются постановления Стокгольмской комиссии и унтер-офицеры к работам не привлекаются». Это было 11 января, а 14 января, в виду такой резолюции, в которой, с одной стороны, «согласен», а с другой — ссылка на Стокгольмскую конвенцию, последовал второй доклад, который по существу вкратце повторяет то же самое, ссылаясь на резолюцию от 11 января: «Считаю долгом доложить, что военный министр не встречает препятствий к заключению особого соглашения об использовании

труда военнопленных унтер-офицеров.» (читает). На этом докладе 14 января вами положена резолюция: «Это все не то, повидимому, моя мысль не понята правильно, а со стороны отдела вопрос разрешается недостаточно продуманно».

Беляев. — Я сказал, что этот вопрос возник до меня. Вы указываете на доклад 7 января 1917 г. Я вступил, кажется, 5-го января. Вы можете мне дать доклад 7 января?

Апушкин. — Доклада от 7 января нет, есть сообщение министерства внутренних дел.

Беляев (читает). — «В силу особых соглашений, заключенных между». Извольте видеть, моя заметка «согласен» относится к общим мероприятиям.

Апушкин. — К какому общему мероприятию, когда вопрос сводится только к привлечению унтер-офицеров?

Беляев. — К вопросу о привлечении унтер-офицеров, но затем сказано: «Ныне правительства Германии и Австрии обратились» и т. д. (читает) «в нашем отзыве указать, что у нас соблюдается постановление Стокгольмской комиссии, и унтер-офицеры к работе не привлекаются». Значит, в этой бумаге два вопроса: нас обвиняют в том, что мы отступили от Стокгольмского соглашения, и второй вопрос в том, что теперь нужно принять такое-то решение относительно привлечения. И вот моя резолюция отвечает на оба вопроса.

Председатель. — Позвольте вас так понять, что вы этой резолюцией имели в виду опровергнуть факт неправильного привлечения в прошлом, а в виду привлечения унтер-офицеров в Германии, на будущее время привлекать унтер-офицеров германских?

Беляев. — Совершенно верно. На меня вообще производил тяжелое впечатление этот отдел работ, отдел военнопленных. Я в своей работе всегда стремился добиться определенных результатов. Одно это — разрешать вопрос относительно прошлого, другое — относительно будущего.

Апушкин. — Вопрос идет о настоящем — привлечь сейчас.

Беляев. — Будущее — относительно времени подписания резолюции (читает доклад от 14 января 1917 г.).

Апушкин. — Эта частность иллюстрирует потребность в рабочих руках германских унтер-офицеров. Тут вопрос общий, который был в первом докладе и во втором, но только он иллюстрируется совершенно определенными фактами.

Беляев. — Значит: назначить 35 т. военнопленных туда-то и 3 т. сюда. Вот мое разрешение или неразрешение и требовалось по этому вопросу. Конечно, я не считал себя в праве взять таким образом 35 т. пленных и направить туда-то и 3 т. направить сюда. Дело в том, что у нас к этому времени поступили колоссальные заявления о недостатке рабочих рук. Во всяком случае мне, как министру, как лицу, участвующему в заседаниях совета министров,

имеющему постоянное общение с министрами, мне была известна потребность каждого министерства, и поэтому, как я мог так легко взять, так сказать, и разрешить 35 т. туда-то. Надо было взять в соображение все потребности, которые у нас были в отношении военнопленных, и, так сказать, соответственную часть назначить, т.-е. нужно было все взвесить перед тем, как принять решение, чтобы из 50 т. — 40 т. были назначены.

Апушкин. — На основной вопрос ответа все-таки не последовало. Он был разрешен, но ваша мысль была непонята, и она осталась непонятой, потому что вы целый доклад свели к вопросу о 35 т., вместо разрешения общего вопроса. Затем, третий доклад, от 19 января, тоже имеет указания на отдельный случай, который иллюстрирует потребность в привлечении (читает): «Казалось бы возможным осуществить и у нас привлечение. . .». Вы в резолюции написали: «Ведь я указал в резолюции 15 января, что прошу лично переговорить». Затем имеется доклад от 10 февраля: «В виду сего единственным источником является. . . . (читает)». Резолюции по этому поводу нет. Наконец, есть ходатайство товарища министра Кислякова, на которое вы приказали ответить: «В пленных на работы к генералу Кислякову надо отказать; уведомить, что прежде всего подлежит откомандировать 40 т. пленных для сельско-хозяйственных работ в Бессарабскую и Херсонскую губ.». Тут есть далее письмо министра торговли и промышленности с просьбой дать воинские команды в 1 т. человек или 555 чел. способных к физическому труду, на что положена резолюция: «Ответить, что у нас таких нет». Вами затем подписано письмо кн. Шаховскому о том, что не имеется 500 чел. пленных. Я обращаю внимание на эту цифру и на то, что, как вы объясняли, 30—40 т. у нас имеется.

Беляев. — На эти вопросы быстро ответить нельзя. Выхвачены отдельные бумаги из дела, но нужно осветить весь вопрос в целом. Как я сказал, нужда в рабочих была колоссальная: в это время как раз возник вопрос об организации наших сельско-хозяйственных работ. Этот вопрос составлял предмет особого обсуждения совета министров. Был представлен особый журнал государю, и был мой доклад по этому вопросу государю — по вопросу о том, чтобы распустить нижних чинов из запасного батальона и привлечь их в феврале к сельско-хозяйственным работам. С другой стороны, положение было таково, что никакие дальнейшие наборы и призывы раньше ноября произведены быть не могут: почти все источники укомплектования армии были исчерпаны, а с другой стороны, недостаток в рабочих руках исключил возможность дальнейшего изъятия людей. Это мне, как военному министру, было совершенно ясно. Мы обязаны удовлетворять потребности действующей армии, а требования действующей армии к нам поступали колоссальные.

Апушкин. — Пожалуйста, ближе к вопросу о пленных унтер-офицерах.

Беляев.—Так очень трудно сказать,—вы берете отдельные две бумаги. Вы изволите говорить о том, что я отказал в 500 человеках. У нас колоссальные потребности были. Лично мне было совершенно понятно, в чем заключалась наиболее острая нужда — это, конечно, сельско-хозяйственные работы, которые тут сейчас же наступали, например, в Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской губ., и особенное настояние было относительно этих 40 т. человек. Трудные условия транспорта не позволяли переводить продовольствие в Румынию, нужно было иметь их под рукой, и вот в это время от нас требуют, чтобы мы растравили единственный капитал, который мы имеем. Конечно, мне легко было бы написать «согласен, разрешаю», но мне нужно было дать их туда, куда действительно это представлялось необходимым. Должна была быть организована комиссия, так как я лично не хотел принимать на себя это решение, это не была потребность военного ведомства. Пускай с ведома других министров будет, так сказать, санкционировано распределение нашего последнего источника — и тогда я вам дам. Там просили 35 т., там 3 т. Когда кн. Шаховской узнал, что у нас совершенно нет пленных, он просил дать 500 нижних чинов. В феврале еще сельско-хозяйственных работ не было, нужно было набирать сельско-хозяйственных рабочих, и когда, действительно, выяснилась неотложная потребность, то в ту минуту их негде было взять. Нам говорили: если вы не можете дать пленных, дайте нижних чинов. У нас нижние чины к этому времени были наперечет, и мы не имели возможности рассчитывать на производство дальнейших призывов, между тем, мы приближались к весне, к возможному развитию военных действий, и вот в это время от меня требуют, чтобы я ухудшил укомплектование действующей армии.

Алушкин. — Вопрос идет не об укомплектовании действующей армии, а о военнопленных. Я прочитал вам письмо, оно говорит о пленных. Я понял, что вы не желаете растрчивать их по частям, не соображаясь с прочими потребностями.

Беляев. — Укажите все потребности и потом берите кому нужно, я их не держу, берите — вот моя мысль.

Алушкин. — Позвольте вашему вниманию представить свод постановлений, сделанных советом министров по некоторым вопросам от 2 февраля 1917 г., где пункт 18 говорит: «Предоставить военному министерству войти в самые подробные соображения по вопросу о возможности хотя бы некоторого увеличения числа могущих быть предоставленными для нужд сельского хозяйства военнопленных» (читает). Это было 2 февраля. Что со 2 февраля по день обращения к вам министра торговли кн. Шаховского, которое было 21 февраля, что вами было сделано, раз товарищ министра путей сообщения Кисляков и министр торговли указывают на критическое положение и на крайнюю необходимость рабочих рук?

Беляев. — В это время происходили сношения относительно предоставления этих пленных, главным образом, в южные губернии. У меня была такая мысль: прежде всего сельско-хозяйственные работы. Это была затрата того капитала, который должен был нам принести проценты в будущем. Следовательно, нужно было направить рабочие силы туда, где они в это время наиболее необходимы. Как раз главный начальник по снабжению юго-западного фронта возбудил вопрос относительно назначения пленных на юг. Но тут же был целый ряд других требований со стороны штаба верховного главнокомандующего об отправке их на различные работы, на строевые организации. Может быть, делались сношения штаба Румынского фронта со штабом верховного главнокомандующего относительно того, каким образом мы могли бы это предоставить. Но у меня была цель — дать сейчас же на сельско-хозяйственные работы.

Алушкин. — Я обращаю ваше внимание на те слова, которые были сказаны вами в самом начале, что вы не желали единолично растрачивать, вы желали сделать это с ведома и совместно с другими министрами. Между тем, по вопросу о сельско-хозяйственных работах, вы единолично принимали некоторые решения.

Беляев. — Это было решено в совете министров.

Алушкин. — Я не вижу никаких мероприятий с вашей стороны по осуществлению этого постановления. Я желал бы их выяснить.

Беляев. — Вы в дальнейшем убедитесь, когда увидите особый журнал совета министров. Все время обсуждался этот вопрос. Потом я представил особый всеподданнейший доклад, и был возбужден вопрос о том, чтобы нам распустить сборные пункты новобранцев и направить их на сельско-хозяйственные работы. Этого сделать нельзя было, и мы должны были изыскать тот контингент старых служащих, или, вернее, старших возрастов, непригодных для укомплектования строевых частей, которых мы могли бы послать на сельско-хозяйственные работы, подобно тому, как это было сделано летом 1916 года. Действительно, если я не ошибаюсь, 26 или 27 февраля я получил утвержденный государем императором доклад именно в этом смысле. Вот на этом, собственно говоря, и закончилась моя деятельность в этом вопросе.

Председатель. — Чтобы закончить, позвольте еще предложить вопрос: вы все-таки нам не сказали, зачем к вам приезжал Распутин и в чем заключалась ваша с ним беседа?

Беляев. — Он у меня пробыл всего три — четыре минуты. Я увидел, что это совершенно необразованный мужик, который не может высказать трех — четырех фраз сколько-нибудь связных.

Председатель. — Это ваше впечатление. Но нас интересует факт — зачем он к вам приехал, что он вам говорил?

Беляев. — «Может ли он просить, чтобы Анна Александровна обращалась ко мне, если будут какие-нибудь просьбы». Я сказал: «Пусть напишет». Вот в чем заключалась беседа.

Председатель. — Вам не показалось странным, что вам телефонируют о том, что такой-то человек хочет к вам приехать, он приезжает и говорит вам только это?

Беляев. — Мне это показалось странным.

Председатель. — Не может быть, чтобы одна эта фраза была им сказана. У вас память очень хорошая, что было сказано еще?

Беляев. — Он говорил, что к нему обращаются, что он желает оказывать помощь и что он очень хотел бы обращаться иногда ко мне в тех случаях, когда это понадобится. Вот смысл.

Председатель. — Он один приезжал или с кем-нибудь?

Беляев. — Один.

Председатель. — Ваши объяснения прерываются до послезавтра.

Беляев. — Позвольте к вам обратиться с просьбой. Когда нам говорил министр юстиции об учреждении Чрезвычайной Следственной Комиссии, он сказал так, — я отлично помню — это было 9 марта, — он сказал, что мера пресечения будет изменена. Я бы покорнейше просил об этом, я здоровье потерял. Вы не можете представить, до какой степени я теперь скверно себя чувствую. Я даю честное слово, я не преступник в моих действиях. Я мог сделать ошибку, упущение, но, конечно, преступного ничего. Я знаю это и совершенно спокоен. Конечно, у каждого различные точки зрения, можно подойти различно к каждому распоряжению, к каждому факту. Я попросил бы, нельзя ли, пожалуйста, как только окажется возможным, изменить меру пресечения относительно меня. Вы имеете дело, я вам даю слово, не с преступником. (Обращаясь к председателю.) Вы меня не изволите знать, но в Москве может быть слышали обо мне. Ко мне постоянно обращались — председатель городского союза, председатель земского союза. . .

Председатель. — Вы пока за нами не числитесь.

Беляев. — Министр сказал: «Я вас передаю в распоряжение Верховной Следственной Комиссии, так что завтра, послезавтра — это значит 10 — 11 марта — мера пресечения будет изменена». Я с 9 марта каждый день ожидаю.

Председатель. — Я сомневаюсь, чтобы вам министр сказал категорически, что относительно вас мера будет изменена.

Беляев. — Он не мне сказал. Нас в коридоре стояло несколько лиц. Это было в присутствии коменданта, и эта фраза была сказана.

Председатель. — Я должен сказать вам, что вы формально числитесь за министром и можете лично обращаться к нему, но мы должны расследовать ваше дело, и когда мы его расследуем, — мы очень с этим торопимся, — тогда выяснится вопрос, поступаете ли вы в наше ведение.

Беляев. — Я вас уверяю, что я какую угодно подписку дам.

Председатель. — Вы понимаете, что здесь целый ряд соображений, которые должны быть приняты во внимание. Я понимаю

чувство каждого заключенного, желающего выйти на свободу. Но ведь если немножко вы подумаете над этим вопросом, вы увидите, что он содержит в себе ряд очень сложных соображений и что надо принять во внимание все эти соображения, о которых мы не будем говорить.

Беляев. — Я с первого марта ничего не знаю. Вы не можете себе представить, как это трудно и тяжело. Будьте любезны иметь мою просьбу в виду.

Председатель. — Мы рассмотрим ваше дело как можно скорее, и к вопросу о переходе вас в ведение нашей Комиссии и к вопросу о мере пресечения, который вместе с тем возникнет, — к этим вопросам мы отнесемся с большим вниманием.

Беляев. — Значит, не исполнилось предположение министра юстиции, который, как мне кажется, сказал: «Вы переданы в распоряжение Следственной Комиссии».

Председатель. — Этого не могло быть.

Комендант. — Что вы будете переданы, но срок не был указан.

Беляев. — Выражение: «завтра, послезавтра», — а это было 9 марта. Я совершенно больной.

Председатель. — Вы не вполне точно поняли. Ясно, что смысл несколько дней. Вы понимаете, что целый ряд дел нужно рассмотреть. Мы усиленно над этим работаем. И как только мы рассмотрим, сейчас же выяснится в этом отношении и ваше положение. Объяснения ваши будут продолжены послезавтра или в пятницу.

ДОПРОС ГЕН. М. А. БЕЛЯЕВА.

19 апреля 1917 г.

Содержание: Назначение в заграничную поездку. Роль Беляева в качестве осведомителя министра финансов. Взаимоотношения Беляева и министра Барка. Положение в делегации генерала Михельсона. Условия займа. Связь вопросов валюты с вопросами снабжения. Условия соглашения. Отчет генерала Михельсона и отношение к нему Беляева. Уступчивость Беляева при заключении займа. Сосражения его по этому поводу. Вопрос о тоннаже. Вмешательство генерала Михельсона в прения. Переговоры. Письмо Гучкова генералу Алексееву. Окончание переговоров и отъезд из Англии. Вопрос о винтовках. Предложение Англии. Уступка нами 200.000 ружей Румынии. Поставка винтовок из Америки. Предоставление нам ружей союзниками. Вопрос о полевых прожекторах. Условия заказа прожекторов. Приемная комиссия. Роль Сухомлинова. Переговоры относительно заказа. Отношение чинов ведомства к заказу. Воздухосплавательный отдел. Вопрос о военной цензуре. Военная цензура и сведения о забастовках заводов. Военная цензура и совещание об устройстве Польши. Дни переворота. Генерал Хабалов. Меры предотвращения волнений. Назначение генерала Зинкевича. Уничтожение генералом Беляевым секретных документов. Войска генерала Иванова. Телеграмма из Ставки. Роль генерала Хабалова и генерала Зинкевича. Расположение войск. Заседания у председателя совета министров. Арест рабочих военно-промышленного комитета. Меры пресечения волнений. Меры для поддержания порядка. Пулеметная стрельба. Телеграмма б. государя генералу Хабалову. Псылка телеграммы б. государю. Позиция Протопопова и других министров. Дальнейший ход развития событий. Отставка Протопопова и назначение Макаренко. Отмена назначения Макаренко. Телеграмма в. кн. Михаила Александровича б. государю и ответ на нее. Контр-рзвездка. Р. спутни. Ходатайства разных лиц у военного министра. Отношения с кн. Андрониковым. Заключительное слово.

Алушкин. — Господин генерал, будьте добры кратко рассказать обстоятельства, при которых состоялось ваше назначение в заграничную поездку вместе с министром Барком.

Беляев. — 4 — 5 июня я получил от военного министра Шуваева телеграмму, присланную ему генералом Алексеевым. Генерал Алексейев писал, что по высочайшему повелению, совместно с министром финансов командированы за границу начальник генерального штаба генерал Беляев и генерал Михельсон. На теле-

грамме была резолюция военного министра: «Командировать генерала Беляева или генерала Михельсона». Другими словами, положение было такое — поездка министра финансов была решена заранее, он уже, кажется, ездил третий раз, но так как в предшествующих поездках выяснилась необходимость присутствия военного лица, которое бы знало все обстоятельства и потребности военного ведомства, то он об этом и доложил теперь.

Апушкин. — Вам было известно, что генерал Михельсон предназначался к поездке еще ранее вашего назначения?

Беляев. — Нет, я узнал об этом из телеграммы, полученной из Ставки.

Апушкин. — Вам не известно, было спрошено по этому поводу мнение военного министра?

Беляев. — Неизвестно.

Апушкин. — Вы видели после этого военного министра?

Беляев. — Видел.

Апушкин. — Перед отъездом в Лондон вы были в Ставке?

Беляев. — Нет. Я помню, было таким образом: телеграмма, кажется, была получена в пятницу, а поездка назначена в понедельник или вторник.

Апушкин. — При вашем назначении вы не получили из Ставки никаких определенных инструкций?

Беляев. — Никаких определенных инструкций я оттуда не получил, но так как мне были известны некоторые обстоятельства по вопросу потребностей заграницей, то я снесся с генералом Алексеевым. У нас только что перед этим были командированы туда наши войска, первая наша бригада. Мне было поручено, между прочим, во время пребывания во Франции, посетить эту бригаду.

Апушкин. — Как вы объясняли свою роль — в качестве осведомителя министра финансов?

Беляев. — Это была уже не первая поездка за границу, где с самого начала войны стремились установить более тесные и непосредственные сношения с центральным управлением в Петрограде, потому что по всем заграничным заказам у нас постоянно происходили недоразумения. Чтобы разъяснить их, был, между прочим, приглашен лорд Китченер и от нас генерал Поливанов. С той же целью военное ведомство командировало за границу адмирала Русина, артиллерийского полковника Федорова и одного военного инженера. Когда вторично, в июле или августе 1916 года, министр финансов ездил за границу, то условия, на которых военный заем был заключен, вытекали из данных, сообщенных ему нашим управлением. Конечно, данные эти были неполными, был целый ряд, так сказать, недоразумений, многое не было сообщено, многие потребности, которые выяснились постепенно, не могли быть приняты к учету при заключении первого займа. Во всяком

случае, в период с октября 1915 года по май — июнь 1916 года, выяснился ряд затруднений, проистекавших от того, что министр финансов заключал заем на потребности военного ведомства, связанные с войной, не имея непосредственно при себе специалистов этого дела. Мне, как помощнику военного министра, всегда и раньше казалось, что при последующих поездках при министре финансов должно быть лицо, ближе знакомое с данным вопросом.

Алушкин. — Представляя так свою роль, вы в отношении министра финансов, являвшегося главой делегации, ставили себя в положение подчиненного?

Беляев. — Нет. По этому поводу у меня был разговор с военным министром генералом Шуваевым. Я высказывал генералу Шуваеву свои опасения относительно того, что моя роль может быть чрезвычайно затруднительна, потому что мне, больше, чем кому-либо в военном министерстве, известны условия, характер и порядок, которых нужно придерживаться при соглашении, и те потребности, которые нужно выдвинуть. Я говорю, потребности, так как из потребностей вытекала и сумма условий. Конечно, министр финансов может выдвигать соображения чисто финансового характера и подчинить им потребности военные: поэтому я спрашивал, не признает-ли военный министр необходимым выяснить положение старшего представителя военного министерства в этом деле. Ген. Шуваев вполне со мной согласился и тут же при мне начал говорить по этому поводу по телефону с Барком. Я отлично помню, он сказал, что Барк будет меня считать как бы заместителем военного министра, с заявлениями которого он должен считаться. Поэтому и я считал, что было два лица. Одно — уполномоченное военным министром в отношении всех потребностей военных, а другое — министр финансов — для того, чтобы согласовать возможность удовлетворения этих потребностей с соображениями чисто финансового характера.

Алушкин. — Так что общая государственная точка зрения принадлежала министру финансов? А вы могли, так сказать, инструктировать министра только в части, касающейся военных потребностей?

Беляев. — На этот ваш вопрос я затрудняюсь сразу ответить.

Алушкин. — Как же вы разграничили сферу своих взаимоотношений с министром финансов?

Беляев. — Так, что он будет основывать все свои финансовые заключения на данных, предъявляемых мною.

Алушкин. — За кем оставалось последнее слово в прениях по заключению займа?

Беляев. — В отношении нормы, величины, срока, порядка, пользования — это тоже имеет значение — это оставалось за мною, но в отношении условий чисто финансовых, например: какое количество золота должно было русское правительство внести,

какие обязательства в отношении порядка уплаты мы принимали на себя при ликвидации этого дела, — это лежало всецело на министре финансов. Я лично так определил бы наши отношения: я говорил — что нужно, он — выяснял, как это можно сделать.

Апушкин. — Так что главой делегации оставался он?

Беляев. — Он был министром.

Апушкин. — А вы были его ближайшим советником и помощником?

Беляев. — Не скажу советником, потому что было, например, несколько заседаний предварительных, на которых с английской стороны участвовало только казначейство, словом, министр финансов. Да, было еще заседание в Лондоне, когда был французский министр финансов, Альбер Тома, итальянский министр финансов, английский министр финансов, русский министр финансов и я. Так что, собственно говоря, было несколько заседаний, и из них, может быть, одно — два заседания таких, на которых я являлся с ним наравне.

Апушкин. — Стало быть, письменных инструкций не было, и никакой переписки по этому поводу не производилось?

Беляев. — Это возникло за три-четыре дня. Кроме того, я уехал на день позже Барка.

Апушкин. — Министр Барк сам возбуждал вопрос о вашем назначении?

Беляев. — Если мне память не изменяет, телеграмма гласила так: «вследствие доклада министра финансов, высочайше повелено».

Апушкин. — Как вы понимали положение в делегации генерала Михельсона?

Беляев. — Генерал Михельсон был у нас председателем валютной комиссии, то-есть он был, так сказать, бухгалтером, приходо-расходчиком первоначального займа, а заем был заключен на условиях (может быть, это детали, но, мне кажется, в данном случае они необходимы), что 25 миллионов фунтов в месяц можно было фактически расходовать, то-есть на самом деле не расходовать, а нужно было предусматривать заказ, иными словами, если, например, заказ готов через много времени спустя, и если он обнимал собой сумму 25 миллионов, хотя бы платежи по этой сумме предстояли значительно позже — через полгода, тем не менее, раз контракт на это заключен, то доза нынешнего месяца считается исчерпанной. Затем обнимал собой период с 1-го октября по 1-е октября — 12 месяцев, а потребность в новом командировании уже явилась в июне; в мае уже поднялся вопрос. Это произошло из-за того, что, в сущности говоря, к марту весь заем был как бы исчерпан, и военное ведомство получило фактически сравнительно очень мало. То-есть он не был исчерпан, но ведомство уже было связано заказом, который должен был поступить значительно позже.

Апушкин. — С какого времени генерал Михельсон занимал место председателя валютной комиссии?

Беляев. — Со времени ее учреждения.

Апушкин. — Чем вы объяснили назначение на такое чисто финансовое дело генерала генерального штаба?

Беляев. — Когда прошел закон 15 августа 1915 года, то-есть сформированы эти особые совещания и особое совещание по обороне, генерал Поливанов, организуя счетный отдел по военному займу, спросил, нет ли какого-нибудь свободного в нашем распоряжении чиновника. Генерал Михельсон был ранен, состоял при главном управлении генерального штаба, и я указал на него в числе лиц, на которых мог тогда указать.

Апушкин. — Почему к этому финансовому делу был представлен генерал, а не знающий чиновник министерства финансов?

Беляев. — Затрудняюсь сказать, это выбор Поливанова, которому я доложил, когда он спросил, на кого я могу указать. Такой же вопрос был поставлен и другому помощнику, генералу Лукомскому.

Апушкин. — Не ставили ли вы в связь, что председатель должен быть в курсе потребностей военного ведомства на оборону?

Беляев. — Совершенно нет.

Апушкин. — Так что просто потому, что генерал Михельсон находился в резерве, был свободен, его сделали председателем комиссии?

Беляев. — Я себе это так объясняю. Мне был поставлен вопрос, на кого из чинов, состоящих при управлении генерального штаба, я могу указать, и я указал.

Апушкин. — Какую должность занимал генерал Михельсон до назначения председателем валютной комиссии?

Беляев. — Он был при мне в распоряжении генерального штаба.

Апушкин. — Какие поручения вы ему давали?

Беляев. — Он находился непосредственно в распоряжении генерал-квартирмейстера по части разведки и литературы иностранных государств.

Апушкин. — В какой степени вы привлекали генерала Михельсона к участию в ваших обсуждениях при заключении займа?

Беляев. — Генерал Михельсон должен был установить условия, которые нам нужно было принять. Засим, генерал Михельсон должен был устранить цифровые и всякого рода затруднения и недоразумения, бывшие в нашей отчетности и при несогласовании цифровых данных в нашей комиссии; это уже безусловно была его специальность.

Апушкин. — Я желаю выяснить себе ваше представление о связи вопроса валюты с вопросом снабжения.

Беляев. — Я не понимаю вашего вопроса, валюта или потребности?

Апушкин. — Валютная комиссия.

Беляев. — Она никакого отношения к этому вопросу не имела.

Апушкин. — Деятельность их связывалась кредитом, займом?

Беляев. — Они одобряли *post factum* порядок использования тех условий соглашения, которые будут достигнуты.

Апушкин. — А порядок условий входил в условия займа?

Беляев. — Входил, и в этом случае я пользовался и сообразовался с теми данными и теми недостатками и дефектами, которые определились при нашем первом займе. Или, как я говорил, наши главные затруднения заключались в том, что так как заказы поступают значительно позже заключения условий, то нам чрезвычайно важно было иметь право на первые месяцы помещать больше заказов. Там, как я говорил, было 25 миллионов, следовательно, мы не могли даже в первый месяц заказать, допустим, что-нибудь на 26-й или 27-й миллион. Поступало это значительно позже. Второй заем по этим соображениям был заключен так: он обнимал собою 6-месячный период, по 1-е апреля, в той же самой сумме 25 миллионов фунтов; следовательно, он обнимал собою 150 миллионов. Но в течение октября и ноября — я боюсь перепутать цифры — мы имели право израсходовать, кажется, 75 миллионов. Одним словом, в первые месяцы мы значительно больше расходовали, как они называли, *engagements*, связывали себя условиями на значительно большую сумму, чем в последующие месяцы. Это было улучшение условий нашего соглашения.

Апушкин. — Следовательно, с генералом Михельсоном вы никаких разговоров не имели и о своих соображениях его не осведомляли?

Беляев. — Относительно наших потребностей осведомлять его мне не приходилось.

Апушкин. — Вами определенно было указано ему не присутствовать на совещаниях?

Беляев. — Напротив того. Он не присутствовал только на одном или на двух предварительных совещаниях. Во всех последующих совещаниях он участвовал, и должен сказать, что он себя не вполне тактично держал, то-есть, по крайней мере, он высказывал некоторые свои соображения, которые не согласовались с высказанными мною.

Апушкин. — Это, может быть, произошло от того, что вы не сговорились предварительно?

Беляев. — Я несколько раз с ним говорил, но дело в том, что он уже раньше предназначался к командированию, тогда как мое командирование было совершенно неожиданно, поэтому я не считал себя в праве давать ему какие-либо указания.

Апушкин. — Итак, вы вошли в состав делегации совершенно неожиданно, уже после того, как генерал Михельсон был назначен?

Беляев. — Да.

Апушкин. — Тем не менее, вы не сочли нужным осведомиться, какие указания имел генерал Михельсон?

Беляев. — Напротив того. От военного министра было письмо министру финансов с указанием условий, на которых этот заем должен был быть заключен. Письмо это, которое я знал, и заключало инструкции генералу Михельсону.

Апушкин. — 28 и 29 июня, когда наша делегация переехала из Парижа в Лондон и начались предварительные совещания, вы заявили генералу Михельсону, чтобы он не присутствовал на этих заседаниях?

Беляев. — Это было первое заседание, на котором мне Барк сказал, должны были быть только министры, и поэтому предполагалось, что даже я не буду. Но так как потом французский министр Рибо приехал вместе с Альбером Тома, итальянский министр приехал с генералом Делорио, то и Барк приехал вместе со мною, как со старшим помощником военного министра.

Апушкин. — Параллельно с совещаниями 4-х министров финансов шли совещания министров снабжения?

Беляев. — Никаких совещаний министров снабжения не было. Английский министр снабжения Ллойд-Джордж не участвовал ни на одном совещании.

Апушкин. — Где же присутствовал Ллойд-Джордж?

Беляев. — Он нигде не присутствовал. У меня были с ним отдельные переговоры.

Апушкин. — Вам известно о рапорте, который подал генерал Михельсон?

Беляев. — То-есть отчет. Он мне известен. Генерал Михельсон препроводил мне его при особом письме.

Апушкин. — А вы какие-нибудь объяснения дали?

Беляев. — Никаких. На меня этот рапорт произвел в высшей степени грустное впечатление. Но у каждого свое мнение. Я в это время был назначен членом военного совета, считал свою роль исчерпанною и поэтому ни в какие разговоры и объяснения не входил.

Апушкин. — В этом рапорте, поданном военному министру, генерал Михельсон высказывал вам упрек в том, что вы были уступчивы и этим до некоторой степени повредили займу. Это вас никак не побудило реагировать?

Беляев. — Я знал, каким образом на это дело смотрел министр финансов, знал все положение дела. Кроме того, я вообще считал бестактным подачу подобного рода рапорта.

Апушкин. — Вы не считали это долгом его службы?

Беляев. — Конечно, нет. По-моему, это прямо указывало, насколько человек был незнаком с делом.

Апушкин. — В таком случае, зачем он был председателем валютной комиссии?

Беляев. — Валютная комиссия — одно, а вопрос о снабжении — другое.

Апушкин. — Но порядок расходования займа играет огромную роль.

Беляев. — Это тоже не его дело.

Апушкин. — Вы только что говорили, что это относится к обязанностям валютной комиссии.

Беляев. — Расходы определяет военный министр и особое совещание по обороне. А у генерала Михельсона была бухгалтерская часть.

Апушкин. — Но ведь он председатель валютной комиссии, а не бухгалтер?

Беляев. — Он — лицо, ведущее расчет по расходованию сумм займа. Дело в том, что постановление о производстве того или иного заказа производится в особом совещании по обороне. Условия заготовки, выработка рассматриваются в исполнительной комиссии при особом совещании по обороне. Постановления исполнительной комиссии утверждаются военным министром, председателем особого совещания по обороне, и вот в таком уже виде поступают к исполнению в валютную комиссию. Нужно заказать нам, допустим, такой-то миллион дистанционных трубок. Это обсуждается в особом совещании по обороне, и особое совещание постановляет — заказать или не заказать. Положим, заказать; тогда исполнительная комиссия разбирает условия заказа, и когда это исполнено, когда выполнены все предварительные сношения, делаемые с соответствующим главным управлением, когда получено согласие английского казначейства или английского министерства снабжения на принятие этого расхода, тогда уже отчеты переходят к валютной комиссии. Следовательно, это есть страж над суммами, над кредитами этого займа.

Апушкин. — Вы не считали себя уступчивым?

Беляев. — Напротив.

Апушкин. — А вы были уполномочены делать уступки?

Беляев. — Виноват, тут цель была такова — заключить заем, следовательно...

Апушкин. — В размере, потребном нам?

Беляев. — В размере действительной потребности военного министерства. Поэтому, конечно, я буду говорить одно, а другая сторона — противоположное.

Апушкин. — Вот это-то мы и ставим целью расследовать.

Беляев. — Значит, с одной стороны, русские уполномоченные будут говорить одно, а английские — другое. И если не считаться с теми заявлениями, которые поступают со стороны английских властей по этому вопросу, то в таком случае, казалось бы, и цель

конференции являлась совершенно излишней, достаточно было сделать письменное или телеграфное сообщение, а потом обсуждать. Нет, командировается специальная конференция для выслушивания потребностей обеих сторон и для их согласования. Моя уступчивость в данном случае заключалась в чем? В ноябре предстояли выборы президента американской республики, и там обозначалась чрезвычайно сильная германофильская партия; поэтому, по мнению англичан, до ноября сделать заключение каких-либо займов в Америке не представлялось возможности. Засим рынок к тому времени был до такой степени исчерпан, что удовлетворение всех наших потребностей тоже не представлялось возможным. Наши предварительные заказы, связывающие наши кредиты на много времени вперед, указывали на полное несоответствие дальнейшего прохождения этого порядка. Засим тоннаж был чрезвычайно ограничен — перевозка до Архангельска, — наши северные железнодорожные линии совершенно не допускали перевозки всего того груза, который был. Лучше всего доказывается это вот, например, как раз тем, что ко времени сдачи мною военного министерства у нас во Владивостоке было сосредоточено 30 миллионов пудов, которые мы не могли перевезти. Я помню, как лорд Мак-Кенна, лорд казначейства, сказал: «Вы совершенно бесцельно, совершенно бессистемно расходуете ваш кредит и ваш тоннаж, вы не можете использовать его». Следовательно, основа была поставлена такая, сколько фактически можно нам предоставить тоннажа, и сколько мы можем фактически перевезти по железным дорогам.

Апушкин. — Но ведь вы возражали лорду-казначею относительно невозможности и относительно перевозки?

Беляев. — Да. Во-первых, я имел сведения относительно Мурманской железной дороги. У меня все данные о нашей провозоспособности по Сибирской железной дороге, Северной и Мурманской были подробно разработаны. Мы исходили из всех этих данных, и, действительно, исходные данные были такие, что могут перевезти наши железные дороги и речные пути по Северной Двине. Я отлично помню, один миллион сто тысяч тонн мы могли перевезти, считая от одной навигации до другой, но на самом деле наши надежды не оправдались. Как я говорю, 30 миллионов пудов лежало к марту месяцу во Владивостоке. Следовательно, начали исходить из этого. Тут пошли дальнейшие сокращения: американский рынок не может дать той стали, которую мы, так сказать, заявляли. Помню, они приводили такие данные, что до 1909 года вся Америка давала 4 миллиона тонн стали. В настоящее время, значит, ко времени заключения займа, в 1916 году, она уже дает 8 — 9 миллионов тонн стали. Следовательно, где же вы хотите, чтобы еще большее количество могли дать? Вот, я говорю, все эти соображения приходилось принимать во вни-

мание. Наконец, Мак-Кенна говорил, что он положительно не может облагать столь большими налогами английское население для того, чтобы иметь возможность заключать заем для России. Тем не менее, несмотря на это, удалось заключить заем на таких условиях: прежняя форма была сохранена, то-есть те же 25 миллионов фунтов, а в отношении американских заказов там было несколько ограничено — 10 миллионов, если не ошибаюсь, в Америке, и 15 миллионов в Англии. Хотя опять-таки для англичан это не имело значения, потому что для заказов в Англии сырые материалы непосредственно получались из Америки, но это было ограничено 6-месячным сроком. Значит, 150 миллионов. И наконец, в самый порядок расходования было введено еще то улучшение, что мы получали этот кредит по месяцам, равномерно по 25 миллионов, и в октябре и ноябре мы могли израсходовать 75 миллионов. Одним словом, первые месяцы больше. Все это было основано на том, чтобы заказы были готовы к 1 июня. Но затем англичане поставили условие, чтобы мы заказывали такие предметы, которые могут поспеть к кампании ближайшей весны, то-есть могли быть доставлены к российским портам к 1 июня. Следовательно, я должен сказать, в положении лица, компетентного в этих вопросах, что в этом деле было достигнуто все, что представляется возможным действительно достигнуть.

Апушкин. — В переговорах о количестве и размере займа в связи со способностью наших железных дорог и водных путей перевезти заказы — вопрос распался на две группы: о перевозке по нашим железным дорогам, и затем о перевозке морем.

Беляев. — Совершенно верно.

Апушкин. — Вы опровергли цифры английского министра относительно железных дорог?

Беляев. — Да.

Апушкин. — Затем, по вопросу о тоннаже: было вмешательство в эти прения генерала Михельсона?

Беляев. — Было.

Апушкин. — Со ссылкой на высчитанный генералом Гермониусом вес заказываемых предметов?

Беляев. — Не помню. Вмешательство произвело очень неприятное впечатление. За исключением 4 судов Северной кампании и 13 судов Добровольного флота, тоннаж не наш. Насколько определенно можно было говорить о железных дорогах, настолько неопределенно приходилось считаться с вопросом о тоннаже. А что такое тоннаж, достаточно сказать, что именно в то время 80.000 тонн в неделю шло ко дну. Это было исчислено, и при таких условиях мы должны были знать, какое количество можно использовать.

Апушкин. — В общем, какое количество тоннажа они давали?

Беляев. — Они потом согласились дать тот тоннаж, который мы можем перевезти по железным дорогам. Дело в том, что на них, конечно, ужасное впечатление произвело то, что навигация в 1915 году была крайне для нас неудачная, так как Белое море замерзло исключительно рано. Я отлично помню, как в 1914 году навигация в Архангельске прекратилась 23 декабря, а в 1915 году — 30 октября. Более сотни судов, прибывших с грузом в Кольскую губу, зимовали там, то-есть из тоннажа союзнического было исключено громадное количество судов, которые не могли быть использованы, и у них было поставлено условие таким образом, что последнее судно будет отправлено то, которое может прийти в Архангельск 30 октября. Это мне тоже удалось опровергнуть, этого не было, это было отменено.

Апушкин. — У нас существовал договор с Англией относительно количества тоннажа, который она нам предоставляет?

Беляев. — Если я не ошибаюсь, у нас было весной 1915 года соглашение относительно порядка . . .

Апушкин. — Нет, относительно 2 миллионов тонн в одну навигацию; вам было известно об этом соглашении?

Беляев. — Кажется, было, — оно заключалось по морскому министерству.

Апушкин. — В одну навигацию. Видите ли, генерал Гермоиус высчитал вес заказанных предметов в 3.200 тысяч тонн, а вторая навигация предоставляла нам 4 миллиона тонн, и таким образом вес заказанных предметов покрывался избытком.

Беляев. — Это все теоретические расчеты.

Апушкин. — Ведь вы не обвиняетесь сейчас в чем-либо, я от вас прошу только объяснений по тем вопросам, которые возникли из собранного материала. Когда вмешался генерал Михельсон, вы предложили ему остановиться?

Беляев. — Я не предлагал. Вам, вероятно, известен порядок, каким ведутся международные соглашения. Необходима известная тактичность, известное желание идти навстречу. Тон генерала Михельсона и его манера говорить, я не знаю как выразиться, были неприличны, недопустимы.

Апушкин. — В чем выражалась эта недопустимость?

Беляев. — Мак-Кенна чрезвычайно горячился и говорил, что он не может из-за невыполнимых фактических данных облагать для нас крупным налогом английское население. — «Вы, все равно, ничего не получите, у вас свыше ста судов зимовали, между тем, наши англичане платят». Тогда Михельсон сказал такую фразу. «В таком случае нечего говорить, что можно вести войну». Эта фраза произвела ужасное впечатление.

Апушкин. — Она была сказана по вопросу о тоннаже?

Беляев. — Я боюсь сказать, было ли это непосредственно по вопросу о тоннаже.

Апушкин. — Вы остановили генерала Михельсона?

Беляев. — Я вам говорю, что не считал себя в праве вмешиваться. Тут был министр финансов Барк, были чины министерства финансов; они не говорили, не приводили данных на справку. Я, конечно, понимал, что такт указывал, что от государства, от русского военного ведомства должно говорить одно лицо, но я не считал себя в праве это делать.

Апушкин. — Вы не помните фразу, сказанную вам на русском языке бывшим министром финансов: «Михаил Алексеевич, не уступайте».

Беляев. — Не помню. Простите, вы говорите на основании рапорта генерала Михельсона?

Апушкин. — Я его желаю проверить.

Беляев. — В таком случае, не будете ли вы любезны спросить об этом министра финансов Барка?

Апушкин. — Он будет спрошен; я только желаю проверить справедливость рапорта.

Беляев. — Я не отрицаю этой фразы, но боюсь сказать, может быть, она и была произнесена. Я не помню.

Иванов. — Скажите, генерал, вы знаете содержание письма Гучкова к начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексееву по вопросу о снабжении армии?

Беляев. — Это где упоминается моя фамилия? Мне известно одно письмо, где он, между прочим, писал по вопросу снабжения, в то время, когда я не был начальником штаба. Это письмо относится к августу. Между прочим, идет вопрос относительно ружей, как раз по поводу того, что я при английском совещании отказался от принятия заказа на ружья.

Апушкин. — Я вам еще раз напомню: в последний день переговоров с Мак-Кенна, во время прений, министр финансов Барк, заметив вашу склонность уступить требованиям, сказал вам по-русски: «Михаил Алексеевич, не уступайте».

Беляев. — Я наверное не знаю. Дело было вот в чем. Мы уехали из Англии, не подписав соглашения. Это неподписание соглашения хотя и относилось к чисто финансовой стороне, но именно я сам предложил его Барку, чтобы не производить впечатления, что вот они в конце концов все-таки принудили нас подписать. Неподписание вытекало из-за той суммы золота, которую нужно было внести туда. Тем более, что Барк сказал, что окончательно мы не можем ответить, что это зависит от русского совета министров — можем ли мы внести или нет. У меня была такая мысль, я не считал, что это было дело мое, это дело Барка — согласиться или нет. Но фраза «Не уступайте», — я ее не помню. Вы не знаете — по какой это части?

Апушкин. — Это относительно понижения до 75 миллионов.

Беляев. — Они все время собирались и толковали. Вопрос сводился к одному — 3-месячный заем. Мне особенно важно было — 25 миллионов в месяц, а как будет заключен заем — на 12 месяцев, 6 месяцев, 3 месяца, было все равно; не то, что все равно, но, понятно, основное условие было то, что финансовую помощь будут продолжать оказывать до окончания войны, следовательно, мне, как военному представителю, все равно.

Апушкин. — Разве не важно было заключить договор сразу на год?

Беляев. — Конечно, желательно, но меня в интересах военных это могло касаться в меньшей степени. Первоначально они нам предлагали на год 100 миллионов, это около 8 миллионов в месяц, после 300 миллионов. Вот к чему сводилось, и нужно было отцарапать во что бы то ни стало известную сумму в месяц (25 миллионов). Правда, это ставило в затруднительное положение наше финансовое ведомство.

Апушкин. — Я возвращаюсь к вопросу о соотношении ваших полномочий с полномочиями министра финансов.

Беляев. — Как я говорю, — и Барк это отлично понимал, — порядок соглашения должен был подчиняться военным потребностям. Следовательно, если бы представитель военного ведомства заявил, что может принять это соглашение, то после этого уже должны были проистекать соглашения исключительно финансовые, на каких условиях мы соглашаемся на эту сумму займа.

Апушкин. — Но вы не предваряли министра финансов, что, как представитель военного министерства, вы считаете возможным пойти на это?

Беляев. — Говорить было трудно. Нас было 6 — 8 человек. Я уже говорил, как происходит международная конференция. Я лично избегал говорить по-русски.

Апушкин. — Но эта фраза была сказана Барком, который, вероятно, тоже избегал говорить по-русски?

Беляев. — Я сидел с ним рядом. Может быть, он мне сказал тихо. Я лично помню, что избегал говорить по-русски, именно, чтобы не казалось, что мы колеблемся, соглашаемся, как будто друг с другом торгуемся, а напротив — раз я прямо говорю по-французски, значит я заявляю.

Апушкин. — Вы, стало быть, ему заявляете в то же время и от лица министра финансов, если вы прямо говорите по-французски.

Беляев. — Разница между министром финансов и военным министром заключается в том, что военный министр говорит, что именно нужно, и тогда уже начинается роль министра финансов: сказать — как это нужно оформить. Следовательно, весь центр тяжести во время переговоров все-таки сосредоточивался на министре финансов.

Апушкин. — Но вы, заключая заем, как вы сами сказали, ставили Россию в очень тяжелые финансовые условия, создавали

затруднения, так сказать, перекладывали тяжесть военного ведомства на всю Россию.

Беляев. — Та же самая сумма — 25 миллионов в месяц; военные условия не меняются.

Апушкин. — Генерал, будьте добры рассказать в самых кратких словах относительно английского предложения нам винтовок.

Беляев. — Вопрос о винтовках и раньше стоял у нас очень остро. Но затем выяснилась крайняя затруднительность в ружьях. Американские заводы принимали заказы очень легко, но заключали условия несуществующие заводы, которые выполняли их годами. Главным образом, все существующие заводы были завалены заказами Англии и Франции. У нас была переписка, не могут ли они нам уступить известное количество ружей своей английской системы «Энфильд». Затем, я приехал в июле, был под впечатлением нашего отступления из Галиции в мае — июне 1915 года. Уже к маю 1916 года вопрос о ружьях принял совершенно другой оборот. Наши заводы к этому времени подошли уже к тому, что выделяли от 80 тысяч до 100 тысяч в месяц; кроме того, утрата ружей у нас была значительно меньшая. Но мы перед тем получили 1.140 тысяч ружей из-за границы: из Англии, Франции и Италии, очень большое количество, и, следовательно, острота ружейного вопроса для нас отпала. Я отлично помню, в период переговоров с Альбером Тома, по вопросу относительно ружей, генерал-инспектор артиллерийского управления, великий князь Сергей Михайлович выразился, что у нас действующая армия вполне обеспечена ружьями. Не обеспеченными в должной мере являлись наши запасные батальоны, где не хватало полного количества ружей. В армиях был даже маленький излишек. Следовательно, если бы мы имели возможность сейчас же, осенью 1916 года, получить известное количество ружей, примерно 200 тысяч, а это было после получения ружей итальянских и французских, то, конечно, эти ружья были бы переданы нами в запасные батальоны, так как действующая армия была обеспечена. Нам англичане предлагали ружья к 1917 году. Понятное дело, тут я должен был раскрыть расчет нашего обеспечения ружьями и сказать, что к 1917 году нам ружья не нужны. Таким образом, они нам предлагали 500 тысяч ружей и назначили 1917 год, даже значительно позже. Я говорю: «Если бы явилась возможность дать нам осенью 1916 года 200 тысяч ружей, то это вполне бы удовлетворяло наши потребности. Но раз для вас это является невозможным, то, понятно, не на ружья, которые к тому времени нам уже будут не нужны, мы будем расходовать кредит-заем, который нам дается с таким трудом».

Апушкин. — Вы сейчас сказали, что вам нужно было осенью 200 тысяч винтовок. Вас сенатор Гарин спрашивал по вопросу

о предложении англичан, и вы сказали, что вам предложено 200 тысяч.

Беляев. — Они предлагали до 700 тысяч, но начиная с 1917 года. Это было недоразумение. Дело в том, что когда со мной говорил сенатор Гарин, то выяснилось, что они нам могут дать в 1917 году. Предложение англичан сводилось к 1917 году, а как я говорю, в 1917 году положение было такое, что в течение 7 месяцев (у меня был расчет до июля) наши заводы изготовляли в среднем до 100 тысяч, они все время увеличивали производство, и, следовательно, мы эти 700 тысяч ружей получили бы свои. Правильность моей точки зрения подтверждается следующими данными: действительно кто-то Гарину сказал в особом совещании, будто бы вопрос сводился к тому, что английское правительство может дать ружья в 1916 году, а потом выяснилось, что в 1917 году. Затем, относительно правильности того, что у нас к 1917 году, даже в 1916, вопрос о ружьях вовсе не был такой острый, лучшим доказательством было то, что когда, после 15 августа, Румыния вступила в соглашение с нами, мы ей уступили во вторую половину 1916 года 200 тысяч ружей. Следовательно, ружья у нас были, и не только не было острой нужды в ружьях, но, как вы видите, мы оказались в состоянии даже уступить новому союзнику известное количество ружей. Кроме того, дальнейшее подтверждение заключается в том, что уж эта конференция, происходившая в январе 1917 года здесь, в Петрограде, с участием представителей Ставки, в частности, генерал-инспектора артиллерии, категорически отказалась от всякого нового заказа ружей за границей. Следовательно, мне вопрос о ружьях был известен, и, как я говорю, последующие факты вполне подтвердили правильность соображений, которыми я руководствовался.

Апушкин. — Вам известно, что в начале 1916 года генерал Гермониус заявил, что «в дополнение к поставкам винтовок из Америки необходимо получить еще 2.700 тысяч винтовок до июля 1917 года»?

Беляев. — Этот расчет мне известен, но нужно внести поправку в то, что вы изволите говорить. У нас уже было заказано в декабре 1914 года, в январе и феврале 1915 года на двух американских заводах «Ремингтон» и, кажется, «Вестингаузен» полмиллиона ружей, и был еще один заказ, в настоящее время я забыл название, — небольшой заказ, — если не ошибаюсь, 100—150 тысяч ружей. Эти ружья по первоначальным условиям должны были поступать к нам с июля, одним словом, с середины 1915 года. На самом же деле, до середины 1916 года ни одного ружья к нам не поступило.

Апушкин. — Стало быть, потребность все-таки была?

Беляев. — Виноват, я говорю «Ремингтон» и «Вестингаузен». Поступил только этот третий заказ в 100 тысяч, и он как раз был

продолжен. Этот завод фактически существовал и оказался в состоянии выполнить этот заказ. Важно было, чтобы завод завел свои машины. Когда положение с ружьями стало печальным, союзники, узнав об этом, предоставили нам 1.140 тысяч ружей. Следовательно, главнейшая потребность была пополнена ружьями французской системы новейшего образца, 1915 года, и 500 тысяч ружьями «Вейм» . . . Это были хорошие ружья, они вполне отвечали современным потребностям, были обеспечены патронами «Лебель» и пошли частью на Кавказ, частью в действующую армию и в запасные батальоны. Кроме того, англичане передали нам свой заказ на японские ружья — у них было заказано, если не ошибаюсь, 190 тысяч Японии. 100 тысяч ружей мы получили сейчас же, а 90 тысяч не получили. Когда я был в Англии, в июне месяце 1916 года, то поднялся вопрос о ружьях. Заказы не выполнялись англичанами, они были приняты в то время, когда завод не существовал. Затем, когда было поставлено производство, но мы на самом деле еще не получили ничего, они нам предложили еще известное количество ружей.

Апушкин. — Вы не помните, сколько?

Беляев. — Если не ошибаюсь, 2 миллиона, а 700 тысяч «Энфильда» перешли английскому правительству. Нам обещали, что с января 1916 года они начнут доставлять уже по 100 — 150 тысяч.

Апушкин. — Стало быть, это предложение было принято в особом совещании в апреле 1916 года?

Беляев. — В апреле 1916 года меня не было. Я знаю, что в конце пребывания военным министром генерала Поливанова им это было принято, но «при условии, если только действительно поставлено производство, в таком случае мы не отказываемся от дальнейшего изготовления заказов, пока будет продолжаться война». Но на самом деле из первого заказа ничего не поступило.

Апушкин. — От английского правительства или от американских заводов?

Беляев. — Если не ошибаюсь, от американских заводов. Теперь нам предлагают что же? Нам предлагают дать английские ружья нового образца в июле 1917 года, то-есть тогда, когда мы уже свои потребности в ружьях пополним, и когда то, что у нас не доставало, вполне покроется изготовленными на отечественных заводах. Следовательно, я так и заявил на конференции, что те 90 тысяч американских ружей, которые нам англичане обещали из 190 тысяч и которых мы еще не получили, должны быть нам доставлены как можно скорее. Засим, если есть ружья «Энфильда» (у нас этого образца не было) и их могут доставить сейчас, то это тоже представляется для нас необходимым. Если же, фактически, ружья «Энфильда» могут поступать только с 1917 года, то это для нас не представляется необходимым.

Апушкин. — Позвольте напомнить заявление, которое генерал Гермониус сделал английскому правительству по этому вопросу, очевидно, с согласия и с указания генерального штаба и Ставки. Он сделал заявление, что в дополнение к поставке винтовок из Америки необходимо получить 2.700.000 до июля 1917 года. Английское правительство 5 марта 1916 года предложило ему 2 миллиона английских винтовок английского калибра, при чем 500 тысяч должны быть доставлены в последнюю половину 1916 года, начиная с осени, 1 миллион 500 тысяч — в первые 6 месяцев 1917 года, вероятно, по 250 тысяч в месяц. Это предложение было еще раз подтверждено генералом Эллершау перед его приездом в Россию с лордом Китченером. Это верно или неверно?

Беляев. — Одно неверно: английское правительство не предлагает, а английское правительство принимает на себя обязательство разместить заказ. И потом, на самом деле, как оказалось в ближайшее после этого время, они дают из своих не миллион, а 700 тысяч, так как они миллиона не могут поставить. Следовательно, 1 миллион 700 тысяч только.

Апушкин. — Предложение было на 2 миллиона и 700 тысяч?

Беляев. — Да, и это было принято.

Апушкин. — Хотя бы путем заказа из арсенала 700 тысяч? Это было принято в апреле, в особом совещании?

Беляев. — Принципиально это было решено еще при генерале Поливанове.

Апушкин. — А вы в Лондоне заявили, что раз винтовки эти не могут быть доставлены до 1916 года, то они не нужны?

Беляев. — Потому что мы после этого получили 1 миллион 100 тысяч винтовок, и, как я говорю, в мае, во время пребывания моего в Ставке, вместе с французскими представителями, вопрос относительно винтовок выяснился. Действующая армия винтовками обеспечена. Необеспеченными являются запасные батальоны внутри империи, но и они были бы обеспечены, потому что каждый месяц давал свыше 100 тысяч наших винтовок. Следовательно, вопрос о винтовках стоял так: дайте нам сейчас, мы возьмем, а в 1917 году нам не нужно. И, действительно, мы даже в 1916 году 200 тысяч дали Румынии, может быть, дали меньше, но не менее 120 тысяч, то-есть, не получив от Англии, нашли возможным уделить из своего наличия нашим союзникам.

Апушкин. — Вопрос о такого рода предложении входил в компетенцию особого совещания?

Беляев. — Да, непременно.

Апушкин. — Так что первое предложение — англичане обещали устроить нам 2 миллиона 700 тысяч, прошло через особое совещание?

Беляев. — Да.

Апушкин. — Утверждено военным министром или нет?

Беляев. — Да, как всегда.

Апушкин. — А ваше отклонение в Лондоне? Почему вопрос о заявлении английского правительства, что оно не может, не внесли на рассмотрение особого совещания?

Беляев. — Было известно, кажется, в апреле, еще до моего отъезда, что это предложение — фикция.

Апушкин. — Но почему отклонение этой фикции все-таки в обратном порядке не прошло через особое совещание, а прямо попало в совет министров?

Беляев. — В совете министров? Я даже в первый раз слышу. Это дело главного артиллерийского управления. Оно заказывает.

Апушкин. — А начальник генерального штаба, если он принимал предложение, к этому отношения не имеет?

Беляев. — Помощник военного министра принимал. Я сказал бы, что между временем генерала Поливанова и генерала Шуваева была разница. Генерал Поливанов имел дело со своими помощниками, и помощники распределяли непосредственно между начальниками главных управлений. Генерал Шуваев имел непосредственное сношение с начальником главных управлений и освобождал нас от присутствия в особом совещании.

Апушкин. — Так что начальник штаба не играл никакой роли при решении вопроса, нужны или не нужны винтовки?

Беляев. — Начальник генерального штаба обязан был исчислять и знать потребности действующей армии и заявлять их соответствующим главным управлениям, которые изыскивали средства к удовлетворению этих потребностей.

Апушкин. — Для меня остается непонятным, почему этот вопрос пошел мимо вас сразу в совет министров?

Беляев. — Я в первый раз слышу, что этот вопрос был в совете министров. Вы не можете сказать, когда он был?

Апушкин. — Очевидно, после вашего возвращения из Лондона, потому что вы заявили в Лондоне, что эти винтовки не нужны. Затем я хочу по новой группе обстоятельств предложить несколько вопросов. Вы не можете объяснить, почему заготовка полевых прожекторов была передана в управление генерального штаба?

Беляев. — Эти прожекторы испытывались в гусарском полку. Засим, когда решено было их заказать, началась балканская война 12 года; у нас, я как теперь помню, 17 октября было совещание по тем кредитам, которые мы должны испросить по мероприятиям, которые русскому военному министерству нужно принять, в виду тогдашнего состояния Европы. Я был начальником отдела по устройству службы войск. Генеральный штаб никакого отношения к заказам не имел, — что вот нужно заказать эти прожекторы по такой-то норме на полк или на батальон, при чем будто бы этот господин — фирма — заявил, что если будет проведена эта потреб-

ность по главному военно-техническому управлению, то цена одна, если будет другое управление, то цена на столько-то процентов ниже. Будто бы на 30%. При чем представитель этой фирмы Метальников указал цифры, которые он предлагал. Тогда было указано, чтобы это шло по главному управлению генерального штаба. Это было мне крайне неприятно. Я не знал, как это ведется. С другой стороны, я моим чинам сказал: вот какое положение, следовательно, в какой степени мы должны поддержать репутацию главного управления генерального штаба. Так как я знал, что, главным образом, этот вопрос касался приемки, я им, так сказать, и указал, как нужно действовать. Председателем приемной комиссии был назначен генерал Свенторжецкий, во всяком случае, техник этого дела, военный инженер.

Апушкин. — Кем был назначен генерал Свенторжецкий?

Беляев. — Я боюсь сказать, во всяком случае, не мною.

Апушкин. — Не вами, а вам называли кандидата?

Беляев. — Я его даже не знал раньше. Во всяком случае, приемщиком, председателем приемной комиссии должен быть техник, ибо мы не техники. Слава богу, о генеральном штабе не говорят, что он чисто ведет денежные дела, потому что он не ведет никаких денежных дел. И понятное дело, раз вопрос поставлен так, то я старался только поддержать.

Апушкин. — А какое отношение имел к этому делу полковник Кручинин?

Беляев. — Капитан Кручинин. Он был столоначальником в отделении, ведавшем распределением по частям.

Апушкин. — Ему давались определенные поручения?

Беляев. — Мною—нет. Я имел дело с начальниками отделений, а столоначальников я не знаю, я даже не знаю, у кого в столе велось это дело, но Кручинин был в это время, вероятно, столоначальником. Я особенное внимание обращал на то, чтобы действительно было нельзя ни в чем придраться. Я даже, например, указал членам комиссии на эти завтраки во время приема,—чтобы не принимали.

Смиттен. — Скажите, пожалуйста, генерал, вы указываете, что Сухомлинов подчеркнул, что хочет провести по генеральному штабу, а не по главному военно-техническому управлению, для того, чтобы удешевить заказ на 30%. Тут имелось указание на то, что в главном военно-техническом управлении 30% расходуется по карманам чинов ведомства.

Беляев. — Я помню определенно бумажку, что был написан расчет, сколько будет, а на другой стороне была написана карандашем другая цена.

Смиттен. — Меня интересует вопрос, какое исключение из порядка было сделано генералом Сухомлиновым в отношении заказа прожекторов?

Беляев. — Это был первый и единственный заказ, который, я так думаю . . .

Иванов. — Он должен быть по военно-техническому управлению?

Беляев. — Это вопрос технического, военного снабжения.

Смиттен. — Не можете ли объяснить нам, что в данном случае по этому заказу генерал Сухомлинов выступил защитником интересов казны, тогда как в других заказах . . .

Беляев. — Я не могу по этому поводу говорить утвердительно. Это относилось к 12 году. Я был в 12 году начальником отдела по устройству службы войск, никакого отношения к этому не имел, и затрудняюсь высказать что-либо в этом отношении.

Смиттен. — У вас не было впечатления, что, собственно говоря, не в этом основание передачи заказов в генеральный штаб?

Беляев. — Откровенно говоря, было.

Смиттен. — Как вы объясняли себе это?

Беляев. — Как вам сказать, я вообще лично сомневался в пользе этих прожекторов. Действительно, опыт войны показал, что там они едва ли помогут — слишком близкое расстояние. Кавалерия очень скоро отказалась от этих прожекторов. Засим, меня откровенно удивляло, что переговоры велись непосредственно с военным министром. Мне казалось, что всякий должен был избегать сам вести переговоры.

Смиттен. — Даже и по материальной стороне вопроса? Относительно денежных условий заказа?

Беляев. — Условий — я не скажу. Цена, например, окончательная — да. То, что я говорю (показывает на листе бумаги), именно я и получил.

Апушкин. — От военного министра?

Беляев. — Боюсь сказать, между нами была посредствующая инстанция, генерал Жилинский, начальник генерального штаба.

Иванов. — Генерал Сухомлинов утвердил цены?

Беляев. — Нет, военный совет.

Иванов. — Но он утвердил?

Апушкин. — Это было сдано без торгов?

Беляев. — Да, это было без торгов; испытывались в течение года прожекторы Чанса, английские, которые ввел Промет. Тут торгов не могло быть. Это было специальное имущество. Меня это постоянно тяготило и не нравилось, как это велось. Я помню, я докладывал в 14 году о том, чтобы передать это из генерального штаба.

Апушкин. — А в чем собственно не нравилось?

Беляев. — В смысле приема не нравилось, в смысле снабжения.

Апушкин. — Не считали вы слишком широкими нормы, по которым снабжалось?

Беляев. — Нет, нормы не были широки. Этого я не могу сказать, но я видел, что генерал Свенторжецкий, как будто многое помимо меня делает, что я могу явиться прикрывающим что-нибудь. Поэтому, как только явилась возможность представить, что главный вопрос о ценах проведен, дело было возвращено в техническое ведомство.

Алушкин. — Каково было отношение чинов вашего отдела к исполнению этой работы? Не встречались ли вы с протестом со стороны генерала Шишкевича?

Беляев. — Шишкевич не был чином моего отдела. Он был у нас начальником воздухоплавательной части. Это была единственная в генеральном штабе снабжающая, довольствующая часть. Присутствие воздухоплавательной части в генеральном штабе являлось как бы нарушением общей программы деятельности генерального штаба. Я это отлично знаю, у меня вначале, как у начальника отдела, были сосредоточены кредиты, то-есть сметы, у меня была бухгалтерская часть, и поэтому все ассигновки проводились, так сказать, через мой отдел, так как я был всегда очень осторожен, каждую ассигновку подписывал сознательно. В этом отношении было мое соприкосновение с воздухоплавательным отделом, мне не подчиненным. Генерал Жилинский всегда сторонился всяких вопросов о каких-нибудь заказах. Я знаю, — опять-таки говорю, косвенно: это не в моем ведении, — что у него происходили с военным министром несогласия, недоразумения именно в области заказов и именно по воздухоплавательной части. Она была потом передана, кажется, по просьбе, по ходатайству генерала Жилинского, в техническое управление.

Алушкин. — У чинов отдела и вообще в штабе это не вызывало разговоров?

Беляев. — Я как-то всегда был у себя в кабинете, коридорных разговоров никогда не вел, и об этом вопросе из разговоров ничего не знаю. Я разговаривал только с генералом Жилинским.

Смиттен. — Я хочу вернуться к вопросу о прожекторах. Вам были известны отношения Метальникова к Свирскому, другу Сухомлинова?

Беляев. — В первый раз слышу.

Смиттен. — Получал Свирский от Метальникова, был он у него на содержании? Вы не знаете?

Беляев. — Ко мне приходил Метальников. И я сказал Метальникову, что он сделает глупость, если кому-нибудь в этом здании даст какую-нибудь взятку; я честью своею ручаюсь, что причитающиеся деньги будет получать чисто. Засим, ко мне раз приходил, когда Метальников был в Англии, какой-то его помощник. Эту фамилию, которую вы называли, Свирский, и что он близок к Сухомлинову, — я первый раз слышу.

Алушкин. — А генерал Дебошинский был у вас в отделе?

Беляев. — Да, как же.

Апушкин. — Он не выражал неудовольствия такими заказами?

Беляев. — Я по крайней мере не знаю. Мы все были недовольны. Это было в октябре 12 года. Я был совершенно неопытный, так сказать, в этом деле.

Апушкин. — Скажите, пожалуйста, в каком отношении стояла к вам военная цензура?

Беляев. — На основании положения о военной цензуре, она была подчинена начальнику генерального штаба, это есть в приказе по военному ведомству; там вполне определяются отношения начальника генерального штаба и председателя главной цензурной комиссии.

Апушкин. — По поводу недопущения в периодических изданиях, вследствие запрещения военной цензурой, речей членов думы у вас не было переписки с кем-нибудь?

Беляев. — Военная цензура переживала целый ряд периодов. Я помню, вопрос о военной цензуре возбуждался и при Горемыкине, и при Штюрмере. К какому периоду вы это относите?

Апушкин. — К февралю 17 года.

Смиттен. — Военной цензуре депутатские речи стали подчиняться с ноября 16 года.

Беляев. — В ноябре я был в Румынии; в частности, газет совершенно не получал, потому что за два месяца, пока был в Румынии, получил всего 4 номера, 26 июля, если не ошибаюсь, 15 года было открытие новой сессии государственной думы. Тогда военным министром был генерал Поливанов. Он, по соглашению с председателем думы, просил, чтобы в день открытия, при декларации правительства и ответных речах, присутствовал председатель главной цензурной комиссии, генерал Звонников. Я спросил генерала Поливанова, какие собственно инструкции могут быть даны генералу Звонникову. Он сказал неопределенно. Это, кажется, было по указанию председателя... я боюсь сказать... одним словом, я получил такое указание. Засим он присутствовал, речи печатались, но, я помню, тогда не была пропущена одна речь, члена государственной думы Чхенкели или Чхеидзе. Она была напечатана через несколько дней. После первого заседания были ответные речи, обсуждения, декларация. Генерал Звонников должен был присутствовать, но ему не было дано вполне определенной инструкции. Я говорил тогда, что Звонникова мне ужасно жаль, так неопределенно его положение. Засим, открытие следующей сессии тоже было при Поливанове, я теперь не помню, к какому времени это относится, но знаю, что вторично был командирован генерал Звонников, и мне отлично помнится отсутствие вполне определенных ему указаний. На этом кончается август 1916 года. С августа 1916 года по 14 февраля 1917 года я ничего определенного сказать не могу, потому что вначале меня не было в России,

а был я назначен 5 января, думы в это время не было. Я возбуждал вопрос относительно присутствия цензурной комиссии и именно благодаря тому (я это подчеркивал), что был командирован генерал Звонников, которому не давалось никаких определенных указаний и положение которого действительно было странное. Ему приходилось, как он мне говорил, по многим вопросам по телефону звонить главному начальнику округа князю Туманову и с ним советоваться, как поступить. Так как это служило известным возбуждением, я посоветовал высказать в совете министров ту точку зрения, что в отношении речей членов государственной думы не должно быть никаких пропусков и надо вообще разрешать их печатать, что те белые места, которые раньше допускались, производят самое противоположное впечатление. Поэтому, в совете министров было такое соглашение, что нужно разрешить полностью печатать все речи членов государственной думы. Когда я получил такое указание (это было накануне), я просил пожаловать ко мне председателя главной цензурной комиссии генерала Рубец, затем председателя цензурной комиссии, потому что, в сущности говоря, цензурная комиссия находится в ведении петроградской цензурной комиссии и, наконец, сенатора Плеве—помощника главного начальника округа,—и им было определено указано, что было нужно.

Иванов. — Он возражал против вашего предложения или поддерживал его, чтобы речи членов государственной думы печатались без пропусков?

Беляев. — Без цензурных запрещений. Я высказывал в совете министров, что это приводит в конце концов к противоположным результатам. Накануне 14 февраля я их собрал и высказал это. Я помню, 14 февраля была произнесена речь членом государственной думы Пуришкевичем, а на следующий день им было высказано, опять-таки с кафедры о том, что делает цензура; он совершенно не узнает своей речи в газете. Меня это страшно удивило и возмутило, потому что, если бы я накануне не говорил с Плеве, человеком вполне уравновешенным, сведущим, знающим и руководящим этим делом, то это могло бы быть. Все это я прочел в газетах. Я просил, чтобы мне было доставлено объяснение, каким образом это могло произойти, и выяснить, каким образом происходит процедура помещения речей в газетах. Я узнал, что на самом деле это исполняется не так, как это было высказано мною, а делается таким образом: когда выходит стенограмма, ее дают органу главного управления по делам печати, который ее просматривает. Следовательно, то распоряжение, которое было сделано, все-таки было понято иначе. Он просматривает и в конечном виде передает органам печати, и они уже на основании этой стенограммы, в зависимости от величины газеты, от ее направления, своими словами передают речи. Поэтому, в частности, в отношении речи Пуришкевича было вычеркнуто четыре строчки и, к моему

огорчению, лично относящихся ко мне два слова. Когда он характеризовал министров, про меня он сказал так: «человек бумаги и чернил» — это было вычеркнуто, к моему огорчению, так как я никогда на это не уполномочил бы и не обратил бы внимания. Раз я министр, я не могу запретить говорить обо мне то, что им угодно. Следовательно, вычеркнуто было четыре строчки, но обвинение Пуришкевича в том, что он не может узнать своей речи в газете, совершенно не относилось к военной цензуре. Вполне понятно, каждая газета может делать из материала то, что ей угодно. По существу же, нужно было одно — раз уже было принято решение не препятствовать ни в чем печатанию отчетов речей членов государственной думы, то в таком случае надо передавать именно то, что было произнесено; а на самом деле передавали не то. Я позволю себе еще сказать несколько слов относительно того, как вообще обвиняли военную цензуру. (Эта сессия государственной думы продолжалась с 14 февраля по 28 февраля, значит, две недели). Я помню одно, что я прочел в газетах речь, произнесенную членом государственной думы Коноваловым, в которой он говорил (вы, вероятно, помните, было объявление в газетах относительно двух рабочих группы членов Военно-промышленного комитета): «накануне говорили с председателем цензурной комиссии, было сообщено военному министру, и от них последовало разрешение на печатание. На самом деле, потом, ночью было сделано запрещение, и напечатано это не было, и только на следующий день, путем уже личных переговоров, удалось это напечатать». Меня это страшно огорчило, когда я прочел. Там был указан — военный министр; ничего подобного, я впервые узнал об этом. Это было в среду или в пятницу. У нас по средам и субботам были совещания. Значит, это было 18 февраля, я помню, я пришел в особое совещание, где были члены государственной думы Маклаков, Коновалов и Гучков; я сказал, что то, что вчера было высказано в государственной думе, обвинение в отношении цензурного распоряжения и в отношении меня, совершенно не соответствует действительности, так как я только сейчас об этом узнал: я завтракал дома и за завтраком прочел эту штуку. Коновалов на это говорил: «было постановлено вам послать». Я отвечаю: «да, но вы мне не послали, я не прочел. Вы говорили вчера, что в четверг была отправлена. Сегодня суббота, 2 часа, и я еще не получил». Гучков говорит: «действительно вам не послали, но вам пошлют». На самом деле я и потом не получил. Я приказал расследовать, как было дело в действительности. В 7 часов позвонили генералу Адабашу, председателю цензурной комиссии, и спросили: можно ли поместить такое объявление. Он ответил: «пришлите мне это объявление, и, если можно будет, оно будет помещено, а не видя его, я не могу сказать». Ему объявление прислали около 12 часов ночи, при чем, как он мне потом объяснил, никаких пометок на конверте — «срочно» или

«спешно» — не было. Он тем не менее сейчас же вскрыл конверт и послал в цензурную комиссию. Там таким образом делалось: все, что нужно было поместить в официальном отделе, множилось на машинке. Он, конечно, разрешил это сделать, но тот, кто должен был выполнить эту работу, отложил ее до следующего утра. Вот как было на самом деле, как мне объяснили.

Апушкин. — В газете «Речь» от 22 февраля было напечатано два ваших письма, касающихся отношения вашего к военной цензуре. Во втором письме говорится: «По запросу государственной думы, по поводу непомещения в периодических изданиях, вследствие запрещения военной цензуры, речей членов думы, сообщенному сношением вашего превосходительства от 25 ноября минувшего года, за № 3069, имею честь, на основании ст.ст. 33 и 59 учр. гос. думы, довести до сведения государственной думы, что военная цензура в Петрограде, находящемся на театре военных действий, в силу ст. 14 «временного положения о военной цензуре», не состоит в ведении военного министра и до введения в действие положения военного совета от 3 сего февраля была подчинена главнокомандующему армиями северного фронта, а с изъятием, согласно упомянутого положения, Петроградского всенного округа из ведения главнокомандующего армиями северного фронта, вошла в подчинение командующего войсками этого округа, с предоставлением ему в отношении всех произведений печати и тиснения, прав командующего армией, определенных ст. 145 высочайше утвержденного 16 июля 1914 года положения о полевом управлении войск. В силу же статей 93 и 411 этого положения, главнокомандующий армиями и командующий армией военному министру не подчинен и никакое правительственное место, учреждение и лицо в империи не могут давать им предписаний и требовать отчетов. В виду изложенного, я не имею возможности сообщить государственной думе требуемые упомянутым запросам разъяснения. Генерал-от-инфантерии М. Беляев». — Вы помните это письмо?

Беляев. — Помню.

Апушкин. — Каким образом согласовать то, что вы написали в этом письме, вот с этой телеграммой: «Петроград, Москва, Казань. По приказанию военного министра, принять меры к недопущению печатать о забастовках на заводах». Затем телефонограмма: «Старшему военному цензору при телеграфе, старшему военному цензору при бюро печати и петроградскому телеграфному агентству. Во исполнение приказания военного министра, прошу принять меры к недопущению печатать какие-либо сообщения о забастовках на заводах». 4 февраля 1917 года, подписано генерал-майором Адабашем. Все эти бумаги по существу однородны. «Прошу не допускать в печать речей, произнесенных сего числа членов государственной думы Родичевым». Это распоря-

жение, от 24 февраля 1917 года, в котором не имеется ссылки на ваше имя военного министра, сделано во исполнение особого письма или доклада, представленного вам генералом Адабашем; на нем имеется следующая ваша резолюция: «Печатать в газетах речей депутатов Родичева, Чхеидзе и Керенского завтра, 25 февраля, нельзя, но прошу не допускать белых мест в газетах, а равно каких-либо заметок по поводу этих речей».

Беляев. — Позвольте эти три вопроса расчлениить.

Апушкин. — Пожалуйста, но тут один вопрос. Скажите, как согласовать ваше разъяснение, здесь данное, и письмо, правильность которого вы подтвердили, с резолюцией на этом письме?

Беляев. — Первоначально, позвольте высказаться по этому письму. Я говорю, петроградская цензурная комиссия находится на театре военных действий и подчинена командующему войсками округа, который подчинен главнокомандующему северного фронта. Следовательно, Петроград входил всецело в театр военных действий и руководствовался исключительно теми данными, которые определялись положением о полевом управлении войск, и той частью положения о военной цензуре, которая устанавливает известные цензурные правила для района театра военных действий и другие известные положения для прочих территорий империи. Этот вопрос мне неизвестен, он был сделан до меня, 25 ноября, и на меня только выпала, так сказать, ответственность по этому делу. Я помню, мне тогда был представлен ответ, который в такой же форме уже однажды был сообщен по такому же вопросу, в период управления генерала Поливанова, то-есть он являлся стереотипным в отношении театра военных действий: там уже придерживаются указаний главного начальства театра военных действий. Как я вам уже говорил, генерал Звонников должен был обращаться к князю Туманову — главному начальнику округа; другими словами, здесь, в Петрограде, до 3 февраля действовало положение о полевом управлении войск. Как я говорю, совершенно такое же письмо вы можете найти и в период управления генерала Поливанова, когда был сделан подобного же рода запрос. Конечно, это отписка. Вообще, этот вопрос обсуждался в совете министров — какое должно быть отношение, в случае, если бы речи приняли такое направление, которое может почему-либо показаться вредным для интересов, во всяком случае, военных. Извините меня за маленькое отступление, я все-таки придерживался всегда той точки зрения, что, конечно, чрезмерные раздоры между правительством и законодательными учреждениями в высшей степени неблагоприятны для нас, в том смысле, чтобы о них знали наши враги. Так что я лично, как военный, усматривал в этом одно из данных, в которое военная цензура должна вникать. Мы знаем, что в Германии запрещают печатать целый ряд сообщений. Вот первое — относительно того письма, которое помещено в газете «Речь».

Апушкин. — Это отписка, как вы сказали?

Смиттен. — Отписка, соответствующая действительности?

Беляев. — По существу, конечно, нет. По существу, понятно, всегда можно было призвать главного начальника округа и высказать. Эти вопросы доходили до совета министров, который имел суждение по этому вопросу. Следовательно, я говорю, что это чисто формально прикрыли себя положением о полевом управлении войск.

Иванов. — Это было напечатано, кажется, 22 февраля, в это время начальник военного округа не был подчинен главнокомандующему северным фронтом, а уже был подчинен военному министру.

Апушкин. — Это вопрос относительно 25 ноября; тогда еще был подчинен.

Беляев. — Вопрос относительно забастовок никакого отношения к этому не имеет, он предусмотрен тем перечнем сведений, которые, вообще говоря, не разрешаются к печатанию военной цензурой, это — чисто военные интересы: мы, конечно, должны были ограждать себя от того, чтобы в Германии и вообще наши враги знали, что у нас идут забастовки, что наши заводы не работают так, как они должны работать.

Апушкин. — Это вопрос другой, это не по существу. В этом же самом письме, в ответ на запрос 25 ноября, вы писали, что до введения в действие положения военного совета от 3 февраля военная петроградская цензура была подчинена главнокомандующему армиями северного фронта, а по изъятии Петроградского округа, стало быть, после 3 февраля «вошла в подчинение командующего войскам этого округа»; следовательно, запрещать печатать по вопросу о забастовках подлежало власти командующего Петроградским округом.

Беляев. — Эта телеграмма обнимала собою не только Петроград, но обнимала и внутренние округа.

Апушкин. — Москву, Казань, но и Петроград?

Беляев. — Вообще говоря, мы придерживались такой точки зрения. Конечно, самая главная пресса, это — петроградская и московская, она является преобладающей; но, конечно, чрезвычайно важна и киевская и одесская. Мы давали предписания московскому и казанскому внутренним округам и писали в Ставку, что мы сделали такое-то распоряжение по внутренним округам, на случай, если они признают необходимым сделать подобное же распоряжение и по своим военным округам. Но в отношении Петроградского округа у нас было соглашение со Ставкой, чтобы в некоторых случаях не возражали против того, чтобы мы входили в соглашение непосредственно с главным начальником округа. Во всяком случае, должен теперь сказать, что, конечно, в отношении

цензуры, тут было не вполне правильное отношение, потому что сплошь и рядом совет министров — раньше, я помню, при Горемыкине — давал отправные данные.

Алушкин. — Я еще раз обращаю ваше внимание на то же письмо, где вы пишете, что высочайше утвержденным положением, в силу ст. 93 этого положения, командующий армиею военному министру не подчинен. В этом отношении вы принимаете меры независимо от главнокомандующего.

Беляев. — В чем?

Алушкин. — Давая распоряжение не печатать. 8 февраля, когда вы писали по поводу обсуждения государственного устройства Польши. Почему, как военный министр, вы брали на себя право отдавать приказание?

Беляев. — Я не брал на себя.

Алушкин. — Как же понимать вашу бумагу и вашу резолюцию? В данном случае к этому сводится вопрос.

Беляев. — На первом заседании по делам Польши, на котором присутствовало как раз несколько министров и председатели государственной думы и государственного совета, первое, с чего начали, что эти совещания должны носить настолько осторожный характер, чтобы отнюдь не вызвать какой-нибудь несбыточной мечты. Мы совершенно не знали, во что все выльется, как оно будет фактически расходиться с предположениями, а также, чтобы оно не вызвало каких-нибудь мечтаний несбыточных у поляков, а впоследствии упреков. Даже по предложению председателя государственной думы было решено, чтобы никаких заметок, ничего по поводу этого совещания не печаталось; именно мне, в ведении коего, как военного министра, находилась военная цензура, было дано указание, чтобы сейчас же сделать распоряжение. Поэтому немедленно, возвратясь с этого совещания, я сделал распоряжение для того, чтобы с завтрашнего дня не могли появиться заметки о том, что высказывались такие-то мнения, такие-то предположения и т. д. Это было совершенно сепаратно. Забастовки — одно, а относительно Польши — это совершенно отдельно, совершенно сепаратно, распоряжение, исходившее от председателя совета министров, председателя этого совещания.

Алушкин. — Но ведь вот в вашем отчете государственной думе вы обильно ссылаетесь на разного рода статьи и положения. Я желал бы знать, на какие, в данном случае, вы можете ссылаться статьи и положения, в силу которых могли бы приказывать не печатать то-то или печатать то-то? Вы, военный министр, и в данном случае командующий войсками могли получить приказание от председателя совета министров, вы для него не являлись непосредственною инстанцією, через которую это приказание должно было пройти.

Беляев. — Во всяком случае, председатель совета министров поручил мне. Я мог написать по приказанию совета министров, по поручению председателя совета министров.

Апушкин. — Не явилось ли совершенно обратное положение — председатель петроградской цензурной комиссии написал вам доклад.

Беляев. — Это другое. Мы же говорим о Польше.

Апушкин. — По существу это общий вопрос. Разграничивать этот вопрос не представляется надобности, потому что в данном случае везде от имени военного министра отдаются однородные приказания.

Беляев. — Относительно речи члена государственной думы Родичева было таким образом. Как раз было заседание совета министров, и председателем государственной думы было доложено, что произнесена членом государственной думы такая речь, которая якобы является призывом и т. д., при чем по телефону были переданы некоторые соображения. Как раз это было в зале заседания совета министров. Тогда председатель совета министров приказал мне принять меры, чтобы эта речь не печаталась.

Апушкин. — Почему вам приказано было? Это интересно.

Беляев. — Я затрудняюсь сказать.

Апушкин. — Почему вы не могли обратиться к командующему войсками?

Беляев. — Во-первых, я говорю, его здесь не было в заседании.

Апушкин. — Его можно было вызвать по телефону.

Беляев. — Получив такое приказание (то же самое, как по вопросу о Польше), я вызвал по телефону или лично генерала Хабалова и передал ему полученное мною лично приказание.

Апушкин. — Не только не устранили инстанцию, но . . .

Беляев. — Было признано, чтобы было передано через меня, а не непосредственно. Во всяком случае, это было не по моей инициативе. Это было мною полученное приказание.

Апушкин. — Отчего вы в резолюции на докладе генерала Адабаша не написали, что это относится к компетенции командующего войсками, а написали: «Печатать речи Родичева, Керенского нельзя». Вы и дальше идете, что даже белых мест не должно быть.

Беляев. — Это я получил поздно вечером в пятницу, когда происходило заседание совета министров по вопросу относительно передачи снабжения города Петрограда мукою в ведение города. Согласно приказанию председателя совета министров, мне было велено это проверить. Я прочел. Там действительно были места, которые, я полагал, в то тревожное время, которое мы пережили . . . я не думал, что мы накануне 27 — 28 февраля, — ведь это было 25 февраля. События 27 и 28 показали совершенно другое. И вот, во исполнение полученных мною приказаний. . .

Иванов. — Во всяком случае, генерал, ваша резолюция — вы не будете отрицать — расходится с вашим заключением, высказанным в совете министров, что речи членов думы должны печататься без пропусков.

Беляев. — Она расходится в том отношении, что я тогда высказал, чтобы безусловно печаталось все, но этот раз был как бы исключительный случай.

Алушкин. — Последний период, это — события, относящиеся ко дню государственного переворота, при которых вы покинули вашу квартиру на Мойке.

Беляев. — Обстоятельства были следующие. Когда я переехал в квартиру на Мойке, где жил в течение 10 — 7 дней, моя квартира на Николаевской была оставлена за мною, там находились все мои вещи. В два часа дня я узнаю, что в моей квартире на Николаевской толпа произвела разгром. Я тогда решил отправиться... утром я говорил по телефону с морским министром, он мне сказал, что сидит у себя, в штабе, потому что, живя один в квартире, при этих беспорядках, опасается оставаться дома. Я тоже одинокий человек, один был, и потому решил перейти в генеральный штаб около двух часов дня, откуда хотел обратиться к кому-нибудь из членов государственной думы с просьбою, нельзя ли принять какие-нибудь меры к тому, чтобы прекратить разгром моей квартиры на Николаевской. Опять-таки, морской министр мне говорил, что он обратился в государственную думу, просил прислать охрану к нему в Адмиралтейство. Я взял и пришел в генеральный штаб, это было около 3 — 4 часов.

Иванов. — Это было которого числа?

Беляев. — 28, нет, виноват, не 28, а 1 марта. В среду, 1 марта, я покинул квартиру, перешел в генеральный штаб и тут узнал следующее. Накануне я тоже был в здании генерального штаба и заходил к одному генералу. Несколько минут просидел у него. Оказывается, ночью, на 1 марта, в половине второго, к нему пришли для того, чтобы арестовать меня, думая, что я там. Очевидно, кто-то дал знать. Меня это крайне удивило. Громят на моей квартире на Николаевской, ночью обращаются в здание генерального штаба на квартиру одного генерала, а между тем, я ночь с 28 на 1 марта совершенно спокойно провел у себя на Мойке. Я по обыкновению занимался, в половине второго пошел спать и проснулся, как всегда, около 7 часов. Из генерального штаба я позвонил в государственную думу, просил, не представляется ли возможности принять какие-нибудь меры охраны на Николаевской, чтобы прекратить разгром моей квартиры. К телефону подошел товарищ председателя государственной думы, Н. В. Некрасов. Он мне сказал так: «Я вам советую, отправьтесь в Петропавловскую крепость». Я говорю: «Как?». А Некрасов говорит: «Мой совет, лучше всего ехать в Петропавловскую крепость; вас там лучше

всего защитят; вы будете в одном из казематов; но мой совет вам туда ехать». Меня это чрезвычайно удивило, так как я знал, что морской министр обратился уже, и ему прислали охрану. Я тогда приехал в государственную думу и думал сам обратиться. Меня знали в государственной думе. Чтобы выяснить... Я не скрывался во всяком случае... Приехал сам в государственную думу, сказал, что меня искали ночью. Я, сказал я, собственно, могу находиться в Петрограде, только, чтобы мне дали возможность превратиться поскорее в частного обывателя. Никаких препятствий и преград я не буду делать. Я могу указать две квартиры, где могу находиться. Подписку дам о невыезде. Мне сказали, что это зависит от члена государственной думы Керенского, и предложили мне отправиться в министерский павильон. Это было, кажется, около 6 часов. А потом, в 9 часов, меня перевезли сюда. Вот все обстоятельства дела.

Иванов. — Скажите, пожалуйста, кто командовал войсками в течение этого времени?

Беляев. — Генерал Хабалов, по постановлению совета министров...

Иванов. — Которого числа?

Беляев. — Сейчас вам скажу, в понедельник, значит, 27 февраля, когда началась крупная стрельба. Я помню, это было так: в пятницу и в субботу был вызов войск, но они решительно никакой стрельбы не производили, ничего не было. Я помню, как раз, говорил с генералом Хабаловым, и он говорил, что даже казаки, два казачьих полка, посланы не стрелять, а действовать нагайками, и посланы, чтобы, по возможности, успокаивать.

Иванов. — Он вам докладывал об этом?

Беляев. — Докладывал. Засим, уже в воскресенье, были случаи стрельбы. Я помню, ко мне звонил председатель государственной думы и спросил меня, нельзя ли принять меры к тому, чтобы, может быть, эту толпу рассредоточивать, вызвать пожарных, чтобы они обливали водою. Я позвонил генералу Хабалову, просил выяснить, не представляется ли возможность. Он через некоторое время ответил, что есть распоряжение, что пожарные команды никоим образом не могут быть вызываемы на прекращение беспорядков, а кроме того, вообще говоря, существует точка зрения, что окачивание водою всегда приводит к обратному действию, именно потому, что возбуждает. Поэтому я позвонил М. В. Родзянко и ему сказал.

Иванов. — Вы изволили сказать, что что-то произошло в изменении командования войсками. Значит, был Хабалов, а 27 вы начали говорить, что кому-то другому передали командование.

Беляев. — 27 утром было, как раз, совещание у председателя совета министров, на Моховой. На это совещание был вызван между прочим и генерал Хабалов. Тогда на меня и на совет мини-

стров он произвел впечатление, что растерялся и в недостаточной степени руководит. Действительно, положение его было чрезвычайно трудное. Он, командующий войсками, ему непосредственно подчинен начальник запасных войск, начальник запасной бригады в Петрограде, генерал... я забыл его фамилию, но тот уехал по болезни и отсутствовал. Собственно в Петрограде непосредственными помощниками Хабалова являлись полковники. Эти полковники были совершенно неопытные. По постановлению совета министров мне было приказано, чтобы я назначил одного из генералов. Я назначил генерала Занкевича.

Иванов. — Это было 27. Затем с 27 на 28 вы перешли в Адмиралтейство, после того, как был занят Зимний дворец; в Адмиралтействе, когда его защищали войска и часть войск защищала старое устройство, кто командовал? Вы были?

Беляев. — Я был. Тогда же, адмирал Григорович заявил, что он просит вообще покинуть здание Адмиралтейства, потому что ему заявили, что, если там останутся войска, то будет приступлено к расстрелянию Адмиралтейства. Тогда мы приняли решение, что в таком случае дальнейшая защита, дальнейшее действие войск является безусловно не достигающим цели, и войска были около 11 часов распущены.

Иванов. — А оружие куда сложили?

Беляев. — Было решено таким образом, по крайней мере, тогда, — там было 6 орудий, — замки спрятать в здании Адмиралтейства, а артиллерию отправить, — она из Стрельны прибыла, — в походном порядке; засим пехотные части без оружия выпустить, так как было опасно проходить по улицам с ружьями. Я сам пришел в генеральный штаб, пробыл там до 3 часов и отправился на Мойку.

Иванов. — Что вы дома изволили делать?

Беляев. — Дома я занимался делами, так как поступали бумаги. А засим совершенно спокойно я там переночевал. Меня искали во многих местах. Почему не пришли на Мойку, я совершенно не понимаю.

Иванов. — Вы сохранили все ваши бумаги?

Беляев. — Когда мне сообщили, что мой дом громят, тогда я действительно побоялся... У меня были некоторые бумаги и, в особенности, материал по данным относительно конференции союзников.

Иванов. — Подлинные документы?

Беляев. — Один документ был подлинный, я считал необходимым его оставить. Это были те условия... я положил в ящик.

Председатель. — Я не понял. Почему вы оставили один документ?

Беляев. — Потому что это был единственный экземпляр документа, копий не было.

Председатель. — А что вы сожгли?

Беляев. — Все материалы, которые мы предъявляли союзникам, весь перечень наших потребностей, которые мы заявляли.

Иванов. — По снаряжению?

Беляев. — По снабжению. За эти материалы я чрезвычайно боялся . . . не дай бог, если их возьмет толпа. Это были все исключительные данные, весь перечень потребностей военного министерства. Я считал совершенно невозможным передать их в ведение громящей толпы. Ведь мне сказали, что громят мою квартиру. Я до сих пор не знаю, что сделали с моею квартирою.

Председатель. — Громили вашу квартиру на Николаевской, а известные действия вы произвели на Мойке.

Беляев. — Я имел полное основание предполагать, что громили и искали меня . . . Когда узнали, что меня не было на Николаевской — у меня есть родственница, которая живет недалеко, в доме того же домохозяина, на Звенигородской, — дворники, вероятно, сказали, что очень может быть, что я там. И там были, направились к ней на квартиру. Она мне оттуда сказала по телефону. Я имел полное основание предполагать, ожидать, что придут и сюда, на Мойку. Меня искали, и, поэтому, я не признал возможным оставить материалы, которые у меня еще оставались.

Председатель. — Хотя непосредственной опасности тому месту, где вы находились, не было.

Беляев. — Но я считал, что, может быть, будет поздно, когда придут громять. Придут, раздобудут бумаги . . .

Апушкин. — А операция сожжения когда началась?

Беляев. — Началась . . . Я ушел около 3¹/₂ — 4 часов. Это продолжалось каких-нибудь 20 минут.

Апушкин. — А приготовления к операции были?

Беляев. — Я лично не готовял.

Апушкин. — А вы отдали приказание об этом когда?

Беляев. — Я помню, когда был в Адмиралтействе, то передал по телефону своему секретарю, чтобы, если будет опасность разгрома, у него были шифры и т. д., он все уничтожил. Он говорил, что у него было приготовлено, разложено, что у него имеется.

Апушкин. — Это было когда?

Беляев. — Это было ночью, с понедельника на вторник, когда мы были в Адмиралтействе, с 27 на 28.

Апушкин. — С 27 на 28. А сожжение последовало 1-го?

Беляев. — Да, верно.

Апушкин. — За исключением нескольких бумаг?

Беляев. — За исключением одной записки, которая была мне передана нашими союзниками и которая представляла секрет. Я ее положил в отдельный маленький ящик, думая, что когда-нибудь увидят, что собственно никаких бумаг нет, эта бумага останется в маленьком ящичке, не в шкапу.

Апушкин. — Почему вы не сочли нужным перевезти эти бумаги в генеральный штаб, который не громили?

Беляев. — Потому, что совершенно не представлялось возможным. Это было 1 марта. Я уже никаких бумаг не получал из главного управления, и вообще сообщение, переход был настолько затруднен, что, я даже помню, те бумаги, которые подписал, которые подлежали передаче, — чрезвычайно боялся, каким образом они могут быть переданы, потому что в то время, 1 марта, было исключительно трудное время.

Апушкин. — А почему вы не обратились в государственную думу, к председателю государственной думы, не сказали, что у вас имеются ценные документы, которые нужно охранить?

Беляев. — Я говорю, я обратился в государственную думу, когда меня громили на Николаевской.

Апушкин. — Нет, по поводу бумаг?

Председатель. — Вопрос в том, почему ничто не натолкнуло вас на мысль обратиться в государственную думу с просьбою охранить эти бумаги?

Беляев. — У меня маленький дом был, где живет военный министр. Это не есть учреждение, это не есть, как у морского министра. Морской министр живет в министерстве.

Председатель. — Но от величины дома это не зависит. Естественно, казалось бы, как вы не попали на мысль.

Беляев. — Совершенно верно. Но я помню... материалы, которые мы сообщали на конференции союзников... вот они...

Председатель. — Я не понимаю деления вашего материала. Один секретный документ, так как он в единственном числе, так я его оставляю. Другой документ, тоже секретный, который нам предложили союзники, так я спрятал куда-то в ящик...

Беляев. — Этот самый и есть. В маленьком ящике. Приходят. Шкапы пусты, письменный стол пуст, а в маленьком ящике я оставил.

Иванов. — Скажите, в эти дни, о которых сейчас идет речь, вы ждали какой-либо защиты от прихода войск извне? Вы ждали войск генерала Иванова? Имели какие-либо сведения?

Беляев. — Да, имел, я получил телеграмму из Ставки, что будет командирован генерал Иванов. Было сделано даже такое распоряжение, — высочайше повелено, чтобы все министры подчинялись распоряжению генерала Иванова.

Председатель. — Было сделано такое распоряжение? Вы как получили эту телеграмму?

Беляев. — Телеграмма была из Ставки.

Апушкин. — Эта телеграмма тоже была сожжена?

Беляев. — Да.

Председатель. — По какому поводу вы получили эту телеграмму?

Беляев. — По прямому проводу, который находится в доме военного министра. Непосредственно прямой провод, это — генеральный штаб — Ставка, и уже дом военного министра соединен с генеральным штабом. Так что это перевод, но передача непосредственная.

Председатель. — Ответьте, пожалуйста, на вопрос.

Беляев. — Должен был приехать генерал Иванов, с ним должны были приехать 3 роты георгиевского батальона. Затем должна была быть командирована от фронтов часть войск.

Иванов. — В каком количестве, было указано?

Беляев. — Да, дивизия.

Иванов. — А не больше?

Беляев. — Одна бригада должна была быть от северного фронта, а другая бригада — от западного фронта. От южного фронта не было.

Иванов. — Вы не помните, когда была получена телеграмма?

Беляев. — Я получил, вероятно, 28-го, во всяком случае, я ожидал приезда генерала Иванова с частью войск утром 1-го марта, так по моим предположениям выходило. Когда мы были в Адмиралтействе, генерал Иванов вызвал генерала Хабалова, — так как в Адмиралтействе тоже есть прямой провод, — для того, чтобы переговорить с ним. И я узнал, что утром 28-го он был еще в Ставке. Следовательно, предполагая, что он выедет с поездом около 4-х часов, я имел основание ожидать его 1-го марта, в 11 часов утра.

Иванов. — А это не по вашему сообщению предполагалось прислать? Вы ничего не сообщали, не требовали поддержки?

Беляев. — Я сообщал о положении.

Апушкин. — Вы передавали генералу Хабалову сообщение о том, что на его место главнокомандующего назначается генерал Иванов?

Беляев. — Виноват, не на его место, но что вообще главнокомандующим назначается генерал Иванов.

Апушкин. — В период, когда вы выходили с частями и занимали Зимний дворец, вы не давали приказания генералу Занкевичу вступить в командование войсками?

Беляев. — Нет. Я помню, написал генералу Алексееву телеграмму «в помощь генералу Хабалову», вместо отсутствующего генерала Чебыкина, но генерал Хабалов все время оставался. Так что он, конечно, мог не командовать войсками, как командующий, но не было, так сказать, объединителя, не было соединительной крупной единицы. Вот как я понимал роль Занкевича.

Апушкин. — В какой же роли оставался тогда Хабалов?

Беляев. — Я думаю, командующего войсками округа.

Апушкин. — А непосредственно командующим войсками, собранными здесь, на Дворцовой площади, был Занкевич?

Беляев. — Я бы так сказал: один управляет, а другой командует.

Апушкин. — Войска стояли на Дворцовой площади, собирались идти в крепость и потом пошли в Адмиралтейство?

Беляев. — Нет, вы ошибаетесь. Это было раньше. По-моему, это было в 7 час., в понедельник, 27-го, а переход из Зимнего дворца в Адмиралтейство был в ночь на 28-е.

Председатель. — Вы не можете вкратце передать содержание обмена мнениями министров в заседании совета министров 27-го утром? Какую занял каждый министр позицию в отношении событий?

Беляев. — У нас происходили заседания 25, 26 и 27 в квартире председателя совета министров, на Моховой. Помню, что заседание в субботу 25-го продолжалось очень долго и обсуждалось именно — что же нужно сделать. Было полное желание, насколько возможно, войти в соглашение с государственной думой и найти, так сказать, почву, на которой можно было понять друг друга. Еще накануне, 24-го, в пятницу, ко мне обратился председатель государственной думы и просил, нельзя ли организовать совещание, на котором был бы решен вопрос о передаче довольствия Петрограда в ведение города. Я, конечно, сейчас же высказал, что с моей стороны все будет сделано. Сейчас же я поехал к председателю государственного совета, переговорил с ним, и было решено, что это будет сделано. Это соглашение было в пятницу вечером. В субботу опять в этом же смысле говорили, и было решено, что, конечно, нужно принять все меры к тому, чтобы государственная дума продолжала работать. И для того, чтобы выяснить, каким путем этого легче было достигнуть, было решено, что на следующий день, в воскресенье, министр иностранных дел и министр земледелия Риттих переговорают с некоторыми членами государственной думы в виде личного обмена мнениями. Экстренное заседание министров с участием председателя совета министров, председателей государственной думы и государственного совета было в пятницу.

Председатель. — А что было в субботу?

Беляев. — В субботу было политическое заседание, что можно сделать, как можно найти почву для соглашения между государственной думой и правительством, на котором было решено, что на следующий день, то-есть в воскресенье, будут переговоры. Во-первых, Родзянко должен был поехать к князю Голицыну, затем министр иностранных дел Покровский и министр земледелия Риттих войдут в переговоры с некоторыми лидерами партий, если не ошибаюсь, с Маклаковым, Савичем и еще кем-то, я сейчас боюсь сказать. Затем, в субботу, узнали, что министр внутренних дел сделал распоряжение об аресте рабочих военно-промышленного комитета.

Председатель. — От кого узнали?

Беляев. — От министра внутренних дел Протопопова. Он был на этом заседании. Этот арест вызвал удивление, как подобное распоряжение могло быть сделано в такую серьезную минуту, без предварительного обсуждения в совете министров. Но Протопопов успокоил, что это будет только удостоверение фамилий, и затем они будут освобождены, если против кого-нибудь из них не имеется основания для привлечения к ответственности.

Председатель. — Значит, он успокоил совет министров тем, что арест будет не арест, а только удостоверение фамилий?

Беляев. — Да, тогда я впервые узнал, что арестовывают таким образом, для удостоверения личности.

Председатель. — Вы впервые узнали об этом и поверили?

Беляев. — Да, конечно.

Председатель. — Какая была позиция Протопопова в отношении решения войти в переговоры с некоторыми членами государственной думы по вопросу о том, чтобы как-нибудь уладить?

Беляев. — Я думаю, что никакой. Потому, что это так единодушно было высказано присутствующими министрами, что один-два министра может быть иначе говорили.

Председатель. — Я спрашиваю, в частности, относительно Протопопова. Говорил он что-нибудь?

Беляев. — Не помню, чтобы он говорил что-нибудь такое, что особенно отразилось бы.

Председатель. — Значит, вы решили войти в переговоры с государственной думой? А что вы решили относительно народа, который появляется и волнуется на улице?

Беляев. — Решили, главным образом, просить председателя и членов государственной думы, чтобы они, пользуясь своим престижем, с своей стороны повлияли. (Я говорю, это было в субботу, когда огня не было.) И тогда можно было надеяться, что одно такое авторитетно высказанное слово приведет к тому, что станет же благоразумной толпа.

Председатель. — Не ставил перед собой совет министров вопроса о том, что в деле успокоения народа могла бы сыграть некоторую роль отставка Протопопова, имя которого, как вы знаете, было ненавистно народу?

Беляев. Совершенно верно. Тогда, в субботу, или в воскресенье, я не помню, князем Голицыным была высказана такая точка зрения: «причем в наших стремлениях идти по пути соглашения мы не должны забывать того, что, может быть, некоторые из нас должны будут уйти, что нужно пожертвовать». Одним словом, так ясно было, что он хотел этим сказать. Говорилось, что это неизбежно.

Председатель. — То-есть, в частности, относительно Протопопова?

Беляев. — Да, я думаю.

Председатель. — Как отнесся к этому Протопопов?

Беляев. — Я боюсь сказать, но у меня осталось такое впечатление — очень много говорили, очень разумно говорил, например, министр иностранных дел Покровский. Главная цель сводилась к тому, что нужно во что бы то ни стало войти в действие заодно с государственной думой. Нужно найти почву для соглашения но в крайности выйти в отставку всему совету министров. Если бы потребовали обстоятельства, весь совет министров или отдельные его члены должны были выйти в отставку.

Председатель. — Об этом мнении совета министров был составлен журнал?

Беляев. — Я как раз говорил князю Голицыну, что считаю совершенно необходимым, чтобы был составлен подробный журнал, так как мы переживаем исторические дни. Ведь события наступили так скоро. Но был ли составлен журнал или нет, я не знаю. Тут присутствовал Лодыженский, управляющий делами совета министров.

Председатель. — Протопопов сделал доклад о том, что он принял меры в виде ареста членов военно-промышленного комитета?

Беляев. — Было двое рабочих, которые не были арестованы, потом была какая-то сходка. Протопопов не сделал этого доклада. Во время заседания председателю совета министров позвонили из городской думы, где обсуждался вопрос относительно порядка передачи продовольствия (мав, вероятно, это известно), и тогда там узнали об этом аресте.

Председатель. — Вы спросили у министра внутренних дел. И он объяснил, что это для выяснения личностей?

Беляев. — Был вызван директор департамента полиции Васильев, который и объяснил. Я помню, он говорил, что будут установлены личности.

Председатель. — Протопопов и Васильев — что еще они докладывали относительно тех мер, которые они приняли для поддержания порядка в городе?

Беляев. — Ничего не докладывали.

Председатель. — Хабалов был?

Беляев. — В субботу его не было.

Председатель. — Но с ним сносились по телефону?

Беляев. — Нет. Виноват, совершенно верно, в один из дней он был некоторое время, я боюсь вам в точности сказать, и я бы под присягой этого не сказал. Но мне помнится, что действительно некоторые чины уехали раньше, например, Васильев. Хабалов как будто был.

Председатель. — С каким докладом был Хабалов, который в то время был командующим войсками округа?

Беляев. — Доклад был о том, что произошло в тот день.

Председатель. — А относительно мероприятий?

Беляев. — Каких мероприятий? Он докладывал только распоряжения, какие сделал. Он наверное даже был в субботу и в воскресенье. Я помню, он докладывал, какие у него распоряжения сделаны для организации и для поддержания порядка.

Председатель. — Какие же распоряжения?

Беляев. — Которые всегда существовали в мирное время: разделение города на известные районы, назначение войск на каждый район, порядок вызова, назначение начальников и т. д.

Председатель. — А что он вам говорил относительно пулеметов?

Беляев. — Относительно пулеметов ничего не говорил. На Мойке все время стреляли пулеметы с крыши того здания, которое строится.

Председатель. — Вы не помните номер дома?

Беляев. — Я не знаю. Знаю, что угол Кирпичного и Мойки, потому что я на Мойке жил, это мимо меня. Я помню, когда я был после Адмиралтейства в генеральном штабе и там сидел, вдруг слышу—затрещал пулемет. Первое впечатление было, что стреляют в здание генерального штаба, — окна выходили на двор. Страшная трескотня была, как будто ударяется в стену. Ко мне позвонил Покровский и говорит: «У нас на крыше стоит пулемет, может быть, на министерстве финансов, может быть и у нас». Я говорю: «У нас безусловно нет, я не думаю, чтобы могли поставить». Мне потом сказали в генеральном штабе на следующий день, что пулемет стоял на здании банка, кажется, Азовско-Донского.

Председатель. — С какими пулеметчиками — полицейскими или военными?

Беляев. — С полицейскими. Потом мне говорили, что будто бы на колокольне Исаакиевского собора стоял пулемет. Во всяком случае я лично думаю, что генерал Хабалов мне бы сказал, если бы это было сделано по военному ведомству. У нас так не делалось. Я тогда впервые узнал, что на зданиях поставлены пулеметы.

Председатель. — Что говорил Хабалов о телеграмме, которую он получил от бывшего государя?

Беляев. — Когда он ее получил?

Председатель. — В то же время, в субботу вечером.

Беляев. — Я в первый раз слышу.

Председатель. — Так что вы, будучи в совете министров 25, 26 и 27, непосредственно ни от Хабалова, ни от других товарищей не слышали, чтобы Хабалов получил телеграмму от бывшего

государя с приказанием водворить порядок, которую можно было понять только, как приказание стрелять.

Беляев. — Я в первый раз слышу. Вообще это относилось до него.

Председатель. — О вашем решении о необходимости войти в соглашение с государственной думой, совет министров телеграфировал бывшему государю?

Беляев. — Не знаю.

Председатель. — Как совет министров о своем решении, принятом в Петрограде по поводу событий, которым вы придавали историческое значение, не пришел к мысли и не нашел нужным телеграфировать бывшему государю, тогдашнему главе верховной власти?

Беляев. — Я говорю про субботу. В субботу довольно спокойно было, а в воскресенье мы вновь собирались.

Председатель. — Относительно субботы вы приняли решение. Почему вы не телеграфировали это государю, не вы лично, а министры?

Беляев. — Я должен так сказать. Я все время считал, что военный министр не входит в какие-либо вопросы политического характера.

Председатель. — Но военный министр, как член совета министров, разве не мог и не должен был возбудить вопрос о необходимости вотума совета министров, в котором он принимает участие, сообщить главе верховной власти?

Беляев. — Я затрудняюсь сказать.

Председатель. — Вы несколько минут тому назад сказали, что вы чувствовали, что минута была историческая.

Беляев. — В смысле ответственности. Я именно так сказал: «Конечно, история скажет, а что же сделали эти господа?»

Председатель. — То-есть, министры?

Беляев. — Да. Еще накануне было принято решение относительно того, чтобы довольствие передать в ведение города.

Председатель. — В совете министров, на совещании было принято. Вы были на этом совещании?

Беляев. — Был.

Председатель. — Был Протопопов?

Беляев. — Его не было.

Председатель. — Вы знаете, что он был осведомлен об этом совещании?

Беляев. — Это было в газетах.

Председатель. — Вы не знаете, что он возражал с этой точки зрения?

Беляев. — Он говорил, что это ошибка.

Председатель. — Он это говорил с точки зрения внутренней политики, представляемой министром внутренних дел?

Беляев. — Очевидно. Я выражения не помню, поэтому затрудняюсь сказать. Но во всяком случае, я помню, говорил, что к тем решениям, которые принимаются, присоединяюсь вполне сознательно. Я нисколько не боюсь ответственности перед историей и во всяком случае считаю, что гораздо лучше, чтобы это было все запротоколено, чтобы все знали, что говорится, потому что иначе не будут знать решений и доводов, к каким приходят. Главным образом, весь вопрос тогда сводился к одному — к затруднениям относительно продовольствия. По крайней мере, я себе объяснил, что эти уличные демонстрации, преимущественно фабричного населения, которые вполне понятны, — они вызваны затруднениями в продовольствии.

Иванов. — Вы изволите говорить, что 25 было постановлено в совете министров войти в соглашение с членами государственной думы о том, чтобы принять какие-нибудь меры, а 26-го, как вам известно, государственная дума была распущена.

Беляев. — Разрешите, я перейду к 26 — воскресенью. Мы разошлись 25, в субботу, в 4 часа ночи, и решили сойтись в воскресенье, в 8 с половиной часов, причем днем, в этот же день, председатель совета министров должен был вести переговоры с председателем государственной думы, а двое других министров с некоторыми членами государственной думы.

Председатель. — Простите, я вас перебыю. Я хотел бы с совершенной точностью уяснить себе, как могли министры принять на себя переговоры с представителями государственной думы, не решив довести об этом до сведения главы верховной власти?

Беляев. — Извините, пожалуйста, я не могу отвечать за решение совета министров. Я говорю фактическую сторону дела, в порядке того, как оно протекало.

Председатель. — Вы считаете, что военное дело в смысле политики второстепенное?

Беляев. — Возбуждался вопрос, не следует ли мне принять участие в этих переговорах, потому что мне, как военному министру, это знакомо. Я тогда прямо сказал, что посоветовал бы не возлагать на меня этого поручения, потому что основная точка зрения военного министра отношения к политике не имеет, и во всех переговорах с Родзянко — он часто прибегал ко мне — всегда это ему говорил. Он говорил: «Вы член кабинета?» — «Да, я член кабинета, который ровно ничего не значит». Я стоял в стороне от политики.

Председатель. — Перейдем к воскресенью.

Беляев. — В воскресенье собрались в 9 часов, были доложены результаты переговоров, причем было выяснено, что все-таки члены государственной думы признают необходимым выйти в отставку совету министров, необходимо, чтобы был кабинет такой, председатель коего пользовался полным доверием государя

императора, но на которого было бы возложено образовать министерство, то-есть сказать, чтобы министры были подчинены, так сказать, председателю совета министров, чтобы доклады делались председателю — может быть, не доклады в буквальном смысле слова, но чтобы во всяком случае действия министров были в полной степени объединены, чтобы было действительно руководство, а не такое, что как, например, Протопопов арестовал без ведома председателя совета министров. Тогда же была написана телеграмма государю императору.

Председатель. — В воскресенье?

Беляев. — Кажется, в субботу, извините, в воскресенье. Телеграмма была передана по прямому проводу; тут же раньше как раз говорили министры, что, повидимому, прийти к соглашению в настоящее время представляется затруднительным. Мы выйдем в отставку, это само собою, но, во всяком случае, главный вопрос сводится к продовольствию; вы, вероятно, помните, Риттих все время обращался к государственной думе с просьбою, чтобы государственная дума, со своей стороны, поддержала его, чтобы было сказано то слово, которое заставит помещиков и крестьян продавать хлеб, выполнять ту раскладку, которая была введена. Так как, повидимому, рассчитывать на это нельзя, и даже было высказано, что может быть противодействие — во всяком случае я не раз об этом думал, — когда ушел — было принято решение отложить заседания государственной думы. А государственная дума не была распущена, так как у председателя, кажется, был указ относительно прекращения занятий государственной думы до середины мая, о чем была послана телеграмма государю императору. Это было в воскресенье. Решение все-таки принято было то, которое было высказано членами государственной думы, с которыми говорили, то-есть что должны быть министры ответственные перед председателем; одним словом, объединение, это безусловно. Почему в результате и было, что отправлена телеграмма об отставке всего кабинета.

Алушкин. — Где же телеграмму можно найти?

Беляев. — Она была отправлена по прямому проводу.

Председатель. — Отправил председатель совета министров?

Беляев. — Нет, он передал мне. — Она также уничтожена, эта телеграмма; она имеется в Ставке и, наконец, копия имеется в делах председателя совета министров. Мне передали тот экземпляр, который нужно.

Председатель. — Будьте добры сказать, какая была позиция Протопопова в обмене мнений. Долго продолжалось совещание совета министров?

Беляев. — Да, долго. Мне кажется, около двух часов разошлись.

Председатель. -- У вас хорошая память. Постарайтесь восстановить позицию министра внутренних дел.

Беляев. — Извините, пожалуйста, я доносчиком не хочу быть. Я только высказываю. . .

Председатель. — Вопрос о каком-либо доношении совершенно исключается, как мелкий и к делу не относящийся. От вас требуется лишь объективный рассказ о том, чего свидетелем вы были в эти исторические дни.

Беляев. — Я в большей степени прислушивался к тому, что говорили, потому что, во-первых, на этом заседании не присутствовал морской министр, он был болен. Мне это, так сказать, даже неприятно было, потому что я отлично понимаю, что морской министр и военный министр в этом вопросе стоят в особом, так сказать, положении. Они как бы смотрят, наблюдают, потому что политика не их дело. Я больше молчал, но у меня осталось впечатление, что министр внутренних дел был доволен принятым решением о роспуске думы, только не о роспуске, а о перерыве занятий государственной думы. У меня составилось такое впечатление. Но если вы меня спросите, было ли в это время его влияние на принятие такого решения — я должен сказать: безусловно нет.

Председатель. — А если я спрошу вас о фактах, о той позиции, которая выразилась в речах или указаниях министра внутренних дел по поводу этих вопросов?

Беляев. — У меня не сохранилось в памяти точно, так сказать, кто что постоянно говорил. Но у меня осталось такое впечатление, кто были министры, которые менее всего говорили, так сказать; например, Добровольский мало говорил, Протопопов мало говорил, Войновский-Кригер мало говорил. Я точно не помню, присутствовал ли Раев; нет, не помню. . . Кульчицкий безусловно не присутствовал. У меня вообще такое впечатление, что не Протопопов здесь рассуждал. Что же он сказал в том немногом, что он сказал? Он говорил, что соглашение с думой не приведет к успокоению. Тогда же говорил о причинах ареста. Он говорил так невнятно, неясно, одним словом, чего-нибудь такого, что могло бы запечатлеться, он не говорил в воскресенье.

Председатель. — Мне не нужны впечатления, но его мысли.

Беляев. — Его мысли сводились к тому, что нужно принять известные меры в отношении думы и распустить ее. Вы сами знаете, какой он точки зрения придерживался. Так он ничего не говорил такого, что расходилось бы с тем, что можно было от него ожидать при обсуждении подобных вопросов.

Председатель. — Теперь относительно понедельника. Вы просидели 2 часа, от 9 до 11 часов?

Иванов. — До двух ночи.

Председатель. — То-есть до двух часов в квартире председателя, князя Голицына, и разошлись, чтобы сойтись когда?

Беляев. — Не решив ничего. Засим в понедельник я лично узнаю совершенно другое положение, резкая разница от воскресенья. В воскресенье было несколько раз открытие огня. Я очень просил Хабалова принять меры, чтобы не открывать огня там, где можно избежать. Я говорил Хабалову, какое ужасное впечатление произведет на наших союзников, когда разойдется толпа, и на Невском будут трупы.

Председатель. — Это вы когда говорили Хабалову?

Беляев. — Я говорил в субботу, в воскресенье.

Председатель. — А что отвечал на это Хабалов?

Беляев. — Он говорил, насколько возможно, это будет сделано. Но уже в воскресенье были случаи.

Председатель. — И что же по этому поводу говорил Хабалов?

Беляев. — Я его спрашивал, что было, и он рассказывал, что на Михайловской площади была стрельба. Был убит околоточный офицер на Знаменской площади. Вот это я узнал; в понедельник, оказывается, резко вопрос меняется. Между прочим, рота Волынского полка, которая накануне стреляла на Михайловской площади, отказалась выйти. Я телефонировал князю Голицыну, что положение сегодняшнего дня настолько разнится от вчерашнего, что считаю долгом довести до его сведения, как председателя совета министров, не находит ли он необходимым сейчас же обсудить, какие меры можно принять в дальнейшем.

Председатель. — Это было в котором часу?

Беляев. — В понедельник утром, в половине девятого; после 8-ми я говорил с Хабаловым, позже с князем Голицыным. Факт тот, что около 11 часов я к ним прибыл, чтобы переговорить, и было решено пригласить сейчас же министров обсудить положение. Пока съехались, пока собрали по телефону, прибыл Хабалов. Здесь он произвел тяжелое впечатление на членов совета министров — руки дрожат; равновесие, необходимое для управления в такую серьезную минуту, повидимому, он утратил. По-моему, на этот раз все были. Я просил, между прочим, вызвать, — так как Григоровича не было, — помощника морского министра Муравьева. Муравьев приехал. Засим было решено около 4 или 5 часов сойтись в Мариинском дворце.

Председатель. — Скажите, Протопопов был в штатском?

Беляев. — Да, как всегда, я вообще его ни разу не в штатском не видел.

Председатель. — Какие взгляды высказывали министры?

Беляев. — В сущности говоря, никаких взглядов. Мое впечатление — знакомилась с событиями.

Председатель. — По докладу?

Беляев. — По докладу генерала Хабалова и, кажется, Протопопова. . . Да, Протопопов тоже кое-что говорил. . . Конечно, впечатление, повидимому, произвело тяжелое, все были, я скажу,

особенно нервны. Мне, между прочим, тогда было поручено съездить в управление градоначальства, — там как раз находился генерал Хабалов с его офицерами, — выяснить. Я приехал туда и просил, чтобы обо мне доложили. Генерала Хабалова, кажется, не было тут, не он нам докладывал, и на меня произвело чрезвычайно странное, печальное впечатление, как вообще организованы эти действия. Как я говорю, старшие там были только полковники, при чем старший полковник был болен, отсутствовал, второй полковник...

Председатель. — Вы это — вкратце.

Беляев. — Вообще видно было полное отсутствие идеи, недостаточная инициатива распоряжений, одним словом, несоответственная постановка дела. Когда я увидел, что отсутствует генерал Чебыкин, то-есть, начальник, надо было поставить сейчас же между ними промежуточную инстанцию. Я попросил пожаловать генерала Занкевича — он строевой офицер, только что командовал полком на войне. Я просил его принять на себя руководство действиями. Тут, между прочим, приехал великий князь Кирилл Владимирович и как раз высказывал мне, что нужно принять энергичные меры, и одна из мер, которую нужно принять, — прежде всего сейчас же сменить министра внутренних дел Протопопова. Оттуда я отправился в совет министров, где должны были быть все, и доложил, что сделал распоряжение относительно генерала Занкевича. Потом просил разрешения переговорить с князем Голицыным наедине.

Председатель. — Это был который час?

Беляев. — Это было 5—6 часов, может, раньше — 4 часа. Во всяком случае я просил разрешения переговорить с председателем совета министров сперва наедине и высказать мое мнение, что первое, что нужно сделать, это все-таки сменить министра внутренних дел. Но так как никто, конечно, не имел права сменять министра, то решили предложить ему от имени совета министров быть больным, и назначить другого. Причем у меня являлась мысль, чтобы кого-нибудь не из товарищей, чтобы это не производило впечатления: мало ли он раньше бывал болен. Председатель совета министров сейчас же присоединился к этой точке зрения. Мы вошли в залу заседаний, и председатель совета министров высказал эту точку зрения, что я высказывал, и сказал, что военный министр высказывает такой взгляд.

Председатель. — При Протопопове?

Беляев. — При Протопопове. И было решено, кого назначить. Я говорю, что если товарищ министра, то это не произведет такого впечатления; сменить же нельзя — государь император сменяет. Тогда говорили — кого-нибудь из военных. А здесь позволили себе указать на лицо действительно неудачное. Я указал на генерала Макаренко. Я лично стоял за это, генерал Мака-

ренко—человек разумный, юрист по образованию, но я совершенно не подумал, что это главный военный прокурор. Если назначить генерала Макаренко — то одно, а если сказать — военный прокурор, то сейчас бы объяснили иначе. Тут согласились, но я действительно сказал. Мне было поручено поехать и сделать распоряжение об этом, чтобы Голицын мог подписать. Я тогда к этому времени узнал, что они перешли из градоначальства в Адмиралтейство. Поехал в Адмиралтейство. Там тем более телеграф есть. Было отдано приказание для напечатания. Я отвез к подписи Голицыну в Мариинский дворец. Я просил прибыть этого ген. Макаренко. Это было 7 часов.

Председатель. Скажите, какую позицию занял Протопопов?

Беляев. — Он сказал: «ну, что же, я подчиняюсь». Вот как. Засим наступает минута психологическая, нужно принять какие-нибудь решительные меры. Если бы Протопопов был смещен давно... это нарыв, который заражал все тело. Конечно, было поздно. Но я скажу — ясно, разве арест этих рабочих в такую минуту, разве это своевременно сделано? Тем более принять такую меру... Я помню, в одном из этих заседаний, в субботу, я высказался, что, во всяком случае, я считаю, что теперь ни один министр — тем более государя нет — не должен принимать каких-нибудь мер, раз мы собираемся каждый день, без осведомления. . .

Председатель. — Когда была распущена дума?

Беляев. — В воскресенье, 27, утром они получили уведомление.

Иванов. — Так что 26 распущена?

Беляев. — Я приехал в Мариинский дворец, Макаренко был там в это время. Там находился в это время великий князь Михаил Александрович.

Председатель. — В Мариинском дворце, в 7 часов?

Беляев. — Да, может быть, и раньше. Тут как раз Макаренко мне сказал первый, что нельзя назначать главного военного прокурора.

Председатель. — Это он вам сказал?

Беляев. — Он мне сказал. Тогда я сказал — вы совершенно правы. Я согласен, но я его избрал, как благоразумного человека. Нельзя же всякого генерала назначать на пост министра внутренних дел, он вполне уравновешенный, честнейший человек. Тем более, что ожидали с минуты на минуту приезда государя императора. Я лично ждал. Вчера послали телеграмму об отставке всего совета министров. Засим я просил доложить Голицыну, что я приехал. Так как там был великий князь Михаил Александрович, меня просили подождать. Это продолжалось довольно долго. Часов в 8, через час, меня попросили. Там был великий князь. Голицыну я доложил относительно Макаренко, и он ска-

зал: «Это безусловно нельзя». Я передал по телефону Хабалову — напечатать такое приказание. Он напечатал.

Председатель. — Что же было в заседании совета министров?

Беляев. — Я застал так: совет министров обсуждал события. Но, когда я приехал, я доложил мою точку зрения.

Председатель. — Протопопов там был?

Беляев. — Был, потому что при нем было сказано, что ему нельзя оставаться. Там был также великий князь Михаил Александрович. Тут мы перешли в кабинет: князь Голицын, великий князь, я, Родзянко и Крыжановский — 5 человек. Оказывается, великий князь обсуждал с князем Голицыным телеграмму, которую он должен был послать государю о том, что необходимо сию минуту, чтобы совет министров вышел в отставку. Мы тут обсуждали как и что, в какой форме редактировать. Засим великий князь со мной отправился на квартиру военного министра, чтобы по телефону непосредственно передать это начальнику штаба верховного главнокомандующего. Мы, кажется, приехали часов в 9. Пока соединяли, пока Алексеев подошел к аппарату, одним словом великий князь послал такую телеграмму, что события очень серьезные, необходимо, чтобы вышел в отставку весь совет министров и чтобы был назначен председатель совета министров, который сам избрал бы себе министров. При чем он сказал, что, может быть, его величество уполномочит его сейчас же это объявить.

Иванов. — Кого же назначить?

Беляев. — Он высказал, что, с своей стороны, он полагал бы князя Львова.

Председатель. — Чем же кончилась эта беседа?

Беляев. — Сказали, что через полчаса будет ответ. Действительно, через полчаса — через час прибыл ответ такой: «Благодарят за внимание, его величество выедет завтра, и сам примет решение» — значит, государь 28-го выедет из Ставки и 1-го приедет. Великий князь долго не мог уехать из моего дома, потому что как раз была стрельба вдоль Мойки. Наконец, около 2 часов ночи, уехал, даже позже. Стрельба успокоилась, он хотел поехать в Гатчино.

Председатель. — Значит, бывший государь воздержался ответить по существу?

Беляев. — Великий князь спрашивал, может быть он его уполномочит объявить, но он на это ответил определенно, что приедет сам и примет решение.

Иванов. — Кто давал ответ по телефону?

Беляев. — Генерал Алексеев.

Иванов. — Царь был в Ставке, а не то, чтобы с ним сносились?

Беляев. — Царь был в Ставке; а телеграф находится рядом с кабинетом.

Председатель. — Вам известно, к какому времени относится принятое в Ставке решение назначить генерала Иванова главнокомандующим войсками?

Беляев. — Я уже перед этим, кажется, получил эту телеграмму.

Председатель. — От кого? *

Беляев. — От генерала Алексеева, что он назначается главнокомандующим. Да, совершенно верно, после того, как великий князь уехал, я отправился в Адмиралтейство, и утром во вторник как раз генерал Иванов говорил с Хабаловым по телефону.

Председатель. — Вы, значит, твердо припоминаете, что вам стала известна телеграмма Алексеева о назначении Иванова главнокомандующим до этой беседы по телеграфу великого князя Михаила Александровича?

Беляев. — Этого сказать я не могу.

Иванов. — Вы получили сведения о выезде государя, когда?

Беляев. — Это было в понедельник, а выехать он должен был во вторник и 1-го марта приехать.

Председатель. — Вы были помощником военного министра, вы заведывали некоторое время контр-разведкой, то-есть наблюдали за ней?

Беляев. — Нет. Она была в ведении генерального штаба. Но какая контр-разведка вас интересует?

Председатель. — Военная.

Беляев. — В действующей армии есть контр-разведка. Как вы знаете, был процесс Манасевича-Мануйлова, там генерал Батюшин, он никакого отношения ко мне не имел.

Председатель. — Какое вы имели отношение к контр-разведке в Петрограде?

Беляев. — Как начальник генерального штаба, с 1-го августа 1914 года по 2-е апреля 1916 года.

Председатель. — Вы, как имевший в своем ведении контр-разведку, знакомы с общими условиями организации контр-разведки. Что вам известно относительно существования в контр-разведке отделения под лит. А? . .

Беляев. — Решительно ничего неизвестно. В контр-разведке целый ряд органов, и я первый раз слышу о лит. А. Контр-разведка есть в главном управлении генерального штаба. Она обнимает обширный период и распространяется на пограничные полосы, например, Швецию, но в Петрограде—другая контр-разведка.

Председатель. — Кто у вас стоял во главе контр-разведки?

Беляев. — Генерал-квартирмейстер, затем начальник особого отделения.

Председатель. — Что значит — особое отделение?

Беляев. — Оно так называется, оно ведало вопросом разведывания и контр-разведкой. Наконец, непосредственно контр-

разведкой ведал жандармский офицер, кажется, полковник Ерандаков; я его не любил, и, когда явилась возможность, назначил князя Туркестанского.

Председатель. — Какая разница между предметами ведения особого отделения и тем, что ведал Ерандаков?

Беляев. — Задачи, которые ему давались главным управлением генерального штаба.

Председатель. — Вам было известно, что контр-разведка употребляется для внутреннего сыска?

Беляев. — Извиняюсь, что я так отвечаю, вы меня спросили, что делает Ерандаков. На самом деле он получал со стороны поручения. Я, например, знаю, что обо мне указывались такие факты, что странно, откуда они были известны. Я вообще одинокий человек, и вдруг узнается, что я до трех часов ночи занимаюсь, нигде не бываю. Кто об этом мог знать? Очевидно, спрашивают.

Председатель. — Откуда вы знаете, что про вас знают?

Беляев. — Военный министр Сухомлинов говорил мне это. Это от Сухомлинова исходило.

Председатель. — Скажите, что вам известно о рабочей организации при контр-разведке?

Беляев. — Я думаю, что вы все совмещаете и говорите про ту контр-разведку, которая не была в моем ведении. В Петрограде действуют три контр-разведки. Во-первых, при штабе шестой армии, которая имеет свою контр-разведку, штаба северного фронта, потом разведка главного управления генерального штаба. Они ни во что не вмешивались в отношении Петрограда, все это передавалось непосредственно в штаб, раз это Петроград.

Председатель. — Вы знаете капитана Смирнова, который стоял во главе одного из отделений, кажется, 6-й армии?

Беляев. — Он мне совершенно неизвестен.

Председатель. — Так что вы не знали о рабочей организации, которая тут действовала?

Беляев. — В первый раз слышу.

Председатель. — Когда вас в феврале 1916 года спросили относительно Распутина, вы говорили с генералом Леонтьевым и полковником Мочульским? Они какими органами заведывали?

Беляев. — Вот этими.

Председатель. — Полковник Мочульский, это — начальник особого отделения. Почему же вы с ними говорили по поводу этого человека.

Беляев. — Собственно, та просьба, с которой обратились ко мне, была вне моего ведения. Я на это смотрел так: ко мне обратились с просьбой — что я могу сделать? Конечно, это ближе всего имеет отношение к вопросам контр-разведки, и я обратился к лицам, которые около этого стоят. Как вы помните,

я в прошлый раз говорил, что мы решили, что это никакого отношения к нам не имеет.

Председатель. — Стало быть, вам не было известно, чтобы контр-разведка занималась слежкой политического свойства и даже провокацией политического свойства?

Беляев. — По этому я пойду прямо под присягу. Я даю честное благородное слово. И я под присягой это покажу, что те вопросы, которые вы мне задаете, мне совершенно неизвестны.

Председатель. — Вам известно было, что контр-разведка, именно военная, я говорю ваша, потому что вы были начальником генерального штаба, она занималась слежкой, наблюдениями, например, за министром Хвостовым, перлюстрировала его письма, телеграммы?

Беляев. — Наша ли? Это не генерального штаба, нет. Это, вероятно, был Батюшин, но только не генерального штаба, потому что мне подавались формальные письма по наиболее важным вопросам.

Председатель. — Если бы я вам сказал, что Распутин очень вас хвалит и очень рекомендует вас в министры, — как бы вы объяснили это обстоятельство?

Беляев. — Я лично полагаю таким образом. Я думал относительно прошлого моего показания. Я — начальник генерального штаба, и вы сами знаете, что все было связано так или иначе с военными вопросами или имело то или другое отношение к военным вопросам. Ко мне все обращались. В прошлый раз мне, например, задавали вопрос, почему вы назначили санитаром такого-то. Ведь сколько раз с подобного рода просьбами ко мне обращались, даже председатель государственной думы, причем тоже относительно отряда Красного Креста государственной думы, относительно личных его просьб — были даже бланки, на которых он препровождал всякого рода просьбы. Я должен вам сказать, у меня совершенно на совести нет, я ни разу не совершил противозаконного поступка, но я так характеризую свою деятельность: к каждому вопросу, с которым ко мне обращались, я всегда подходил с благожелательностью, и, если можно исполнить его с чистой совестью, я его исполнял. Вы, может быть, обратили внимание, как я хорошо помню отдельные факты? Я в каждый вопрос сам входил, разбирал, и, поэтому, обо мне составила такая репутация: доброжелательное отношение к заявлениям. Относительно госпожи Вырубовой я только этим могу объяснить, потому что, как я говорю, я никакого отношения к Распутину не имел, никогда с ним не говорил, и он от нее слышал обо мне, что вот — доброжелательный человек. Если можно что сделать, он выполнит. Это прямо — черта моей деятельности, которую можно характеризовать так, что я к каждому вопросу относился доброжелательно. Вот вы меня, кажется,

прошлый раз спросили то же самое, — что Протопопов, кажется, меня хвалил, отзывался обо мне. Я так скажу — доброжелательное отношение. Вы спросите, и всякий подтвердит.

Председатель. — Какие у вас были отношения с князем Андрониковым?

Беляев. — Я уже говорил в прошлый раз. Андроников — это было мое больное место. Я говорил, что в 1909 году, когда я исполнял должность начальника генерального штаба, он часто ко мне приходил по поручениям военного министра. Я отлично помню, он придет, просидит полтора часа. И была скверная манера — постоянно сплетни. Я этого не любил. И вот с тех пор он постоянно ко мне или звонил, или писал какие-нибудь просьбы. Я думал по поводу ответа, который я дал, и я могу вам дать честное слово, что у меня на совести нет ни одной просьбы, исполненной для Андроникова. У меня было чувство как бы опасения к просьбам Андроникова.

Председатель. — Он к вам обращался, но вы эти просьбы отклоняли?

Беляев. — Да.

Председатель. — Но если бы я вам сказал, что, несмотря на эти отклонения просьб, Андроников все-таки в письмах к очень высоким лицам рекомендовал и находил желательным назначение вас хотя бы временно военным министром? чем вы это объясняете?

Беляев. — В первый раз слышу. Но я думаю, у него была такая точка зрения — ах, вот, когда он будет министром, мне будет легко обращаться к нему с различного рода просьбами. Я, в частности, могу такой пример привести. Я помню, он приезжал ко мне с какой-то просьбой. Я эту просьбу положил в письменный стол. У меня было решение его просьбы ни в коем случае не исполнять. Через несколько времени меня просит один из моих помощников о прикомандировании одного офицера к главному управлению генерального штаба. Раз просит помощник, — это его дело выбирать. В это время я вспоминаю фамилию — оказывается, тот самый, о котором просил Андроников. Это мне было неприятно. Второй случай — это когда мы командировали первую особую бригаду во Францию, и начальник бригады просил о назначении одного офицера адъютантом. Бригада была пехотная, он просил за кавалерийского офицера, назвал фамилию. О нем же стал просить и Андроников. Этого для меня было достаточно, чтобы я отказал. Между прочим, я имел законное право, потому что бригада была пехотная, и мы должны были посылать пехотного офицера, а не кавалерийского, и мне было достаточно не то что придраться, а именно не выполнить этого. Я приведу, как характерный факт, как я относился к просьбам этого господина. Для меня кошмар был этот господин.

Иванов. — Вы знали о кружке доктора Бадмаева?

Беляев. — О докторе Бадмаеве я слышал, но что кружок был, первый раз слышу. Знаю, что это тибетский доктор. Позвольте мне поставить еще два вопроса: один вопрос заключается вот в чем: конечно, вы можете представить, в каком нервном состоянии я нахожусь в эти дни. Я вам в прошлый раз говорил, я даю вам честное слово, я не преступник. Но вот, например, выбрали отдельные факты и, так сказать, ставили их в минус, в упрек, как характерную черту моей деятельности. Вы, господин председатель, меня совершенно не знаете, но я вас уверяю, кого вы ни спросите, тот знает, какую колоссальную работу я выполнил во время войны.

Председатель. — В должности военного министра?

Беляев. — Нет. В должности военного министра я никакой работы не сделал. Я только полтора месяца был военным министром, но как начальник генерального штаба. Я не хочу хвастать, но я скажу, что это — свойство моего характера. И вот относительно вырванных отдельных фактов я вижу, как я ошельмован. Из тысячи берут один отдельный факт, и меня шельмуют. Например, просьба госпожи Вырубовой. Я вам так скажу: боже, какие просьбы ко мне поступали! Например, председатель государственной думы обращался. Спросите, есть ли члены государственной думы, которые не обращались ко мне со всякого рода просьбами, а имейте в виду, что всегда обращаются с такой просьбой, которая требует того или другого подхода к законному решению, потому что, когда этого нет, тогда не надо. Я — честнейший человек, и я являюсь ошельмованным. Конечно, я желал бы одного, чтобы мне дали скорее возможность обратиться в частного обывателя, я никогда в жизни ни во что не вмешивался бы. Я надеюсь, что я подлежу увольнению от службы с пенсией, и, следовательно, спокойно могу прожить то, что мне осталось.

Председатель. — Это — первый вопрос; а второй?

Беляев (плачет). — Извините, я так взволнован, я так взволнован, послушайте, меня нужно освободить из крепости, я вас покорнейше прошу. Я даю вам честное слово, хотите я подписку дам, что я ни с кем не буду разговаривать по телефону.

Председатель. — Генерал, будем относиться к этому серьезно.

Беляев. — Разве я не серьезно? Извините, что я так...

Председатель. — Мы совершенно понимаем ваше положение, но разрешите поставить вас на формальную точку зрения. Мы рассмотрим в ближайшие дни ваши объяснения и установим, насколько они разъясняют положение, на котором мы остановились. Потом мы сделаем из этого те или иные выводы, и только после них может быть поставлен вопрос относительно вашего освобождения и превращения вас в частного человека. Генерал, я позволю себе обратить ваше внимание на то, что в очень серьезное

время, в исторические дни нашей родины, вы оказались на посту военного министра. Вы понимаете, это многое объясняет в вашей судьбе.

Беляев. — Теперь позвольте, я одно приведу. 10-го августа я был назначен членом военного совета. Это для меня, при моем возрасте, быть членом военного совета — прекрасный пост, прекрасное содержание, мечта каждого военного, так сказать. Я не считал себя в праве оставаться членом военного совета. Мне было тогда 52 года. Война была, и казалось нечестным оставаться здесь. Я просил любое назначение, я принимал дивизию, это половинное содержание, не соответствующее моему служебному положению, необеспеченное, потому что члены военного совета навсегда, а, когда дивизия расформируется, — тогда ничего. Но я на это шел. Все-таки меня командировали в Румынию, с оставлением членом военного совета. Когда эта должность была упразднена, я все-таки просил меня назначить начальником дивизии.

Председатель. — Генерал, вы это рассказывали.

Беляев. — Но вы видите, как я смотрел на свое служение.

Председатель. — Я вам обещаю самое внимательное отношение к обстоятельствам вашего дела и скорое рассмотрение теперешних ваших объяснений.

Беляев. — И доброжелательное, я вас уверяю...

Председатель. — Беспристрастное оно будет совершенно.

Беляев. — Пожалуйста, но вы только не знаете меня — вы будете строить на основании тех фактов, которые вырваны из тысячи один.

Иванов. — Все данные будут приняты во внимание.

Председатель. — Мы выслушаем доклад генерала, члена нашей Комиссии, и, поверьте, примем во внимание все.

Беляев. — Извините, что я разнервничался, вы можете понять мое положение.

Председатель. — Нам это понятно, но мы во власти фактов, точно так же поступков, которые должны рассмотреть.

Беляев. — Вы должны разбирать деяния преступных лиц, совершивших преступления. Преступления я не совершил. Я даю честное, благородное слово, вы не можете назвать ни одной вещи, которая подходит под категорию преступления.